

Вольфганг
Акунов

ГУННЫ. СТРАХ И УЖАС ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма

Вольфганг Акунов

**Гунны – страх и
ужас всей Вселенной**

«Алетейя»

Акунов В. В.

Гунны – страх и ужас всей Вселенной / В. В. Акунов —
«Алетейя», — (Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма)

ISBN 978-5-907189-88-1

В IV в. п. Р.Х. на Европу обрушились кочевники гунны, пришедшие из Азии. Античные историки сочли гуннов не людьми, а исчадиями ада. В V в. царь гуннов Атила создал империю кочевников от Волги до Рейна во главе с гуннами, едва не завоевавшими обе Римские империи – Восточную и Западную. О судьбе гуннов рассказывает книга Вольфганга Акунова. Она выходит в серии «Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского Храма», ибо именно в описанную в ней эпоху уходят корни позднейшего христианского рыцарства, наивысшим воплощением и архетипом которого стал Орден бедных соратников Христа и Храма Соломонова.

ISBN 978-5-907189-88-1

© Акунов В. В.

© Алетейя

Содержание

Вместо предисловия	6
I. Часть Первая.	7
1. «Этот гибельный народ»	7
2. Ужасная судьба невест Христовых	14
3. Когда грядет кончина мира	21
4. По молитвам Василиссы	33
II. Часть Вторая.	43
1. «Омерзительное потомство»	43
2. Не стрелявшему – голову с плеч	52
3. О сватовстве Модэ к императрице	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вольфганг Акунов

Гунны – страх и ужас всей Вселенной

Моим детям и внукам

«Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук... и вышел он как победоносный, и чтобы победить.... И вышел другой конь, рыжий, и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч... Я взглянул: и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей... и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя "смерть", и ад следовал за ним, и дана ему власть... умерщвлять мечом и голодом, и мором...»

**«Откровение святого Иоанна Богослова»
(«Апокалипсис»)**

«Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала вселенная».

Иордан. «О происхождении и деяниях гетов»

«Тезис о прогрессивности гуннов порочен».
**Обсуждение в Ученом Совете ИИМК книги
А.Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов».**

«Жестокий разгром гуннами многих европейских народов создал им на Западе репутацию головорезов и разбойников, в то время как китайские авторы характеризовали их как народ, наиболее культурный из всех «варваров»... Победив и присоединив к себе аланов, гунны стали во главе огромного племенного союза, в котором прямые потомки хуннов составляли незначительное меньшинство. В семидесятых годах IV в. они перешли Дон и победой над остготами открыли новый период истории, известный как «Великое переселение народов».

Лев Гумилев. «Хунну».

«Аттила в мадьярских легендах предстает святым, как Давид, мудрым, как Соломон, и великолепным, как Гарун аль-Рашид; сам Иисус Христос, спустившись с неба, ведет с ним переговоры и обещает его потомству корону Венгрии, как выкуп за Рим... Его блуждающая армия прошла по Европе, как племя кочевников, не принеся с собой ни новой религии, ни идеи, ни цивилизации, и исчезла, погребенная под развалинами сотрясенного ею мира».

Сергей Цветков. «Карл XII. Последний викинг».

Вместо предисловия

Кочевые народы очень осложняют жизнь не только своим современникам, но и авторам, изучающим их историю и быт в последующие века. Перед мысленным взором автора этой книги, («перелопатившего», в ходе ее написания, немалый по объему материал, найденный им во многих книгах авторов, как живших до нас – Сыма Цяня, Геродота, Страбона, Аммиана Марцеллина, Приска, Иордана, Созомена, Агафия, Зосима, Евнапия, Олимпиодора, Прокопия, Феофана, де Гроота, Менхен-Хельфена, Вернера, Томпсона, Шрайбера и других, несть им числа!, так и наших современников – например, первых популяризаторов «гуннской» темы на российской ниве А.Н. Бернштама, автора «Очерка истории гуннов», и Л.Н. Гумилева, автора «Хунну» и «Хунны в Китае», авторов капитального труда «"Свистящие стрелы" Маодуня и "Марсов меч" Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов» В.П. Никонорова и Ю.С. Худякова и др., предстали бескрайние степи с разбросанными по ним немногочисленными оазисами, и, вместо внушающих и ныне благоговение руин ушедших в небытие городов, свидетельствующих о величии канувших в Лету, но некогда великих культур и цивилизаций, изучением которых занимаются исследователи истории древних оседлых народов, перед ним открылись лишь несколько захоронений, чаще всего давно разграбленных. Тем не менее, автор решил сделать, как и многие до него, попытку дать абрис истории внушавших некогда страх всему миру «потрясателей Вселенной». Народа, как и все кочевники, почти не оставившего нам материальных свидетельств своего существования и былого величия. Игра, как показалось автору, стоила свеч.

I. Часть Первая. Репетиция конца света

1.«Этот гибельный народ»

Они приближались отовсюду, бесшумно и почти невидимо. В тумане, затянувшем Данубскую (ныне – Дунайскую) низменность, они казались поначалу лишь отдельными черными точками. Но, когда туман рассеялся, когда в лучах утреннего солнца сверкнули щиты, шлемы и оружие воинов пограничной стражи, бескрайнее пространство перед валом (лимесом, или лимитом), ограждавшим от «презренных варваров» пределы Римской «мировой» державы, внезапно оказалось переполнено накатывающимися волной пришельцами, отличавшимися невиданно зловещим, мрачным, диким видом. Они так низко пригибались к холмам своих низеньких косматых лошадей, что конь и всадник представлялись взору римлян (а точнее – преимущественно «варваров» на римской службе, ауксилиариев), в испуге наблюдавших за их приближением с высоты лимеса, одним целым. Ибо почти не отличались друг от друга. Ни своим зловещим, безобразным внешним видом, ни движениями. Настоящие кентавры! Эти кентавры надвигались на оцепеневших римских пограничников неотвратно, как сама судьба. Как неумолимый фатум, страшный даже для богов. Верхом на низкорослых и мохнатых лошадях. Мгновенно разделяясь на отдельные отряды для преодоления препятствий. Обходя и обтекая их, словно живой поток. Соединяясь вновь и снова рассыпаясь, с такой непостижимой скоростью, что человеческий взгляд не успевал следить за их передвижениями. Римский гарнизон был давно поднят по тревоге. Сотни пар человеческих глаз с тревогою взирали на широкую гладь спокойно несшей свои воды в этой местности реки. Данубий-Истр, сегодняшней Дунай, чей южный, римский, берег охраняли пограничные войска-лимитанеи, на протяжении столетий защищал империю «потомков Ромула» от разорительных набегов всевозможных «варварских» племен. Чувство тревоги, охватившее римских ауксилиариев, никак не проходило. Хотя они снова и снова утешали себя мыслью о нерушимости границ Римской мировой державы, символизируемой шаром в левой руке римских императоров и в когтях орлов на боевых знаках всегда победоносных (как считалось официально) римских легионов. Казалось, римляне видели какой-то страшный сон. Весь северный берег Истра заполнили бесчисленные чужеземные «кентавры». Черно-серая, как грозовая туча, и приземистая лава коренастых всадников, слившихся со своими долгогривыми, косматыми конями. Эта туча обрушилась широким фронтом в воды вышедшего от такой неисчислимой массы конников из берегов Данубия. Глухо заклокотала вспенившаяся, вспучившаяся на глазах римлян река. Они в недоумении наблюдали за неторопливо разворачивающимся перед ними невиданным действием. Нашествие сил преисподней! Римляне в тягостном оцепенении беспомощно взирали на него из-за казавшегося теперь столь хлипким частокола с высоты ставшего вдруг столь ненадежным вала, укрепленного редкими сторожевыми башнями. И понимали, что пришла беда. Что она все ближе. И что ее не отворотить...

«Этот гибельный народ жесток, жаден, дик выше всякого описания и может назваться варваром между варварами» – так писал, в своем панегирике римскому императору Анфимию (Анфемию, Антемию) – ретроспективно – о первом появлении гуннских завоевателей в нижнем течении Истра-Данубия римский патриций (патрикий), бывший префект «Вечного Города» – Первого (Ветхого, или, по-церковному – Старейшего) Рима на Тибре, епископ Арвернский, зять западно-римского императора Авита, ученый, поэт и мастер эпистолярного жанра Гай Солий Аполлинарий Модест Сидоний – в историю его имя вошло в сильно урезан-

ном виде – Аполлинарий Сидоний. Сидонию было всего 23 года, когда в грандиозной «битве народов» на Каталаунских полях (высотах) в его родной Галлии в 451 г. п. Р.Х., был, вроде бы, положен конец гуннскому кошмару. Или, точнее, отсрочен неминуемый, как столь многим казалось, конец света. Страшный суд, который предвещало или, точнее, возвещало пришествие гуннских агрессоров. Вообще-то гунны были впервые упомянуты среди народов, мирно кочевавших на территории нынешней Южной России, еще в 160 г. п. Р.Х. ученым греком Дионисием Периегетом, а в 175–182 гг. п. Р.Х. – известным астрономом и географом из римского Египта Клавдием Птолемеем, автором геоцентрической картины мира. Но, до тех пор, пока гуннские варвары мирно кочевали где-то «в попе мира» (как выражается современная «продвинутая» молодежь), а, выражаясь более высоким стилем, на задворках Ойкумены (если говорить по-гречески)! – или же Экумены (на латыни), ими никто из «цивилизованных» граждан «Златого Рима», «Рома Ауреа», не интересовался. Кроме, разве что, узких специалистов, вроде вышеупомянутых географов. Все детство и юность Сидония прошли под знаком этого неотвязного кошмара. Под знаком исходившей от гуннов смертельной угрозы, весь масштаб которой обитатели прожившего несколько столетий под защитой римской власти античного мира просто не способны были осознать.

«Даже детские лица носят печать ужаса» – писал Аполлинарий о гуннах в своем панегирике. «Круглая масса, оканчивающаяся углом, круглый безобразный плоский нарост между щек, два отверстия, вырытые во лбу, в которых вовсе не видно глаз – вот наружность гунна. Расплющенные ноздри происходят от поясов, которыми стягивают лицо новорожденного, дабы нос не препятствовал шлему сидеть крепче на голове. Остальные части тела красивы: грудь и плечи широкие, рост выше среднего, если гунн пеший, и высокий, если он на коне. Как только ребенок перестает нуждаться в молоке матери, его сажают на коня, чтобы сделать его члены гибкими. С этих пор гунн всю жизнь свою проводит на коне. С огромным луком и стрелами он всегда попадает в цель, и горе тому, в кого он метит».

Приведем, для сравнения, описание внешности гуннов восточно-римским нотарием (писцом военачальника-гота Гунтигиса) и историком гото-аланского происхождения Иорданом (Иорнандом):

«Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости».

Надо полагать, что если бы десяток гуннов прибыл в «мировую» Римскую державу с мирными намерениями, скажем, в качестве послов, диковинная внешность степняков вряд ли вызвала бы у римлян столь явное отвращение и ужас. В самом наихудшем случае, она могла бы вызвать только изумление и иронические усмешки римских красавиц, привычных к иным профилям человеческих лиц. Но гунны вторглись в римские пределы бесчисленным войском. И потому в сознании римлян пугающая необычность их внешности усугублялась ужасом и страхом – Деймосом и Фобосом, сынами кровожадного бога войны Ареса (или Марса, его римского аналога), летевшими на черных крыльях, словно в «Илиаде» у Гомера, опережая продвижение вглубь Римской «мировой» державы конных гуннских полчищ. А вышеупомянутый нотариус Иордан, автор написанного на латыни труда «О происхождении и деяниях гетов» (сокращенно – «Гетика») – истории другого грозного для римлян варварского племени – германцев-готов (компиляции не дошедшей до нас более ранней «Истории готов» сенатора Кассиодора, знатного римлянина при дворе остготского, т.е. восточно-готского, царя Италии Теодориха Великого, и других античных историков) – полагал, что гунны намеренно придавали своей внешности столь безобразные черты, уродуя себя на страх врагам. Иордан не только утверждал, что гуннские женщины нарочно пеленают своим сыновьям носы, чтобы те не мешали шлемам плотно прилегать к их лицам. В своем стремлении рационально объяснить причину военных успехов гуннов, разгромивших готскую державу Германариха и заставивших часть готов (кото-

рых гото-аланский историк, с целью как можно большего возвеличения своих готских предков, отождествлял с гораздо более древним, не германским – в отличие от готов – а фракийским, или, по другой версии – ирано-фракийским народом гетов, причинившим грекам и римлянам немало хлопот) служить себе, Иордан указывал, в качестве объяснения (вне всякого сомнения, достаточно убедительного, или, во всяком случае, имевшего значение в глазах у современников), на их страшный, отталкивающий (для «цивилизованных людей», то есть, по тогдашним понятиям, людей греко-римской культуры) внешний вид, приводя в своем труде, с целью опорочить гуннов, различные старинные сказания и мифы. Согласно Иордану гуннам, может быть, не удалось бы победить грозный степной народ аланов, если бы гунны уже самим своим появлением не приводили аланов в ужас, и те обращались в поспешное бегство. Ибо лицо у гуннов было ужасающей черноты – конечно, от пыли и грязи. Оно походило, если так можно выразиться, на безобразный кусок мяса с двумя черными отверстиями вместо глаз. «Злобный взгляд их (гуннов – В.А.) показывает могущество души. Они свирепствуют даже над своими детьми, исцарапывая лицо их ножом, чтобы они прежде, чем коснуться груди, своей матери, испытали бы боль от ран». Они стареют, не имея бороды: лицо, изборожденное железом (в некоторых переводах – «мечом» – В.А.), лишается от рубцов «украшения взрослых». Гунны невысокие, но широкоплечие, с толстой шеей; вооружены огромным луком и длинными стрелами; они искусные наездники. Но, обладая человеческой фигурой, племена гуннов живут по образу зверей».

Предваряя рассмотрение темы этнического происхождения гуннов, которой мы намерены коснуться на дальнейших страницах нашей книги, заметим пока что, одно. Упоминание гуннского обычая наносить порезы на лица детей мужского пола, мешая, тем самым, росту волосяного покрова на щеках, говорит не в пользу версии о монгольском происхождении гуннов. Ведь не секрет, что у мужчин-монголоидов и без того отсутствует пышная растительность на лицах. Чингис-хан, к примеру, выделялся из среды своих соплеменников своей довольно густой, не в пример прочим монголам, бородой. Но это так, к слову...

Следует повторить, что Иордан в своем повествовании опирался на труды своих предшественников на ниве истории. Например, греко-римского военного историка Аммиана Марцеллина, также написавшего свой исторический труд «Деяния» на латыни, и, пожалуй, впервые в античной традиции упомянувшего гуннов. Ссылался Иордан на писавших о гуннах римлян Павла Орозия и Приска Панийского. Последний даже ездил послом восточно-римского императора (или, по-гречески, василевса, т.е. царя) по стопам другого посла – Олимпиодора – в ставку гуннского властителя Атиллы, о чем будет подробнее сказано далее. Впрочем, Иордан нередко использовал и легендарные сведения. Так, он, к примеру, заимствуя многое у Аммиана Марцеллина, писал о гуннских племенах:

«В домах гунны живут только в крайнем случае, а все время проводят в разъездах по горам и долинам (не степям! – В.А.) и с детства привыкают переносить голод и холод. Одеваются они в грубые холщовые рубахи (а не «одежду из шкурок полевых мышей», как у Марцеллина – гунны умеют ткать холст! – В.А.) и носят на голове шапку с висячими ушами. Жены следуют за ними в телегах, ткут грубую ткань и кормят детей. Никто из них не пашет земли, потому что они постоянных жилищ не имеют, а живут как бродяги без всякого закона. Если вы спросите гунна, откуда он, где его родина – не получите ответа. Он не знает, где родился, где вырос. С ними нельзя заключать договоров, потому что они, подобно бессмысленным животным, не знают, что – правда, а что – неправда. Но они неудержимо и яростно стремятся достичь того, чего хотят, хотя часто переменяют свои желания».

Племена гуннов, что и говорить, охарактеризованы здесь достаточно четко, но кратко. Более подробно Иордан повествует о гуннах в главах 24 и 34–41 своей «Гетики». Причем смешивая порой, как это свойственно ему, настроенного к гуннам – врагам готов – отрицательно, подлинную историю с басней. 24 глава «Гетики» начинается так: «Пятый готский царь Види-

мер осудил некоторых подозрительных женщин (лат. *argestas feminas* – В.А.) и выгнал их из земли скифов далее на восток в степи. Нечистые духи, встретив их, сочетались с ними, от чего и произошло это варварское племя гуннов. Сперва они жили в болотах. Это были низенькие, грязные гнусные люди; ни единый звук их голоса не напоминал человеческой речи. Эти-то гунны подступили к готским границам». Данный фрагмент «Гетики» представляется нам крайне важным. Поскольку явственно свидетельствует об непреодолимом ужасе, наводимом гуннами на современников. Никто из последних, казалось, не был способен приписать появление гуннов на своих землях ничему иному, кроме нечестивого союза «колдуний» (так в некоторых толкованиях и переводах) с «демонами» («нечистыми духами», или, по-нашему, по-русски, «бесами»). Следовательно, гунны воспринимались сознанием достаточно христианизированных к тому времени римлян и других народов не просто, как примитивные варвары-«недочеловеки», «зверолюди», но и как «видимые бесы». Повествуя об истории гуннских племен, их лютей ненавистник Иордан приводит в «Гетике» следующий фрагмент из труда упомянутого выше восточно-римского посла ко двору гуннского правителя Агилы, ритора и историка начала V в. Приска Панийского: «Гунны жили по ту сторону Меотийских болот (т.е. Азовского моря, на территории нынешней Кубани – В.А.). Они имели опытность только в охоте и ни в чем больше: когда же разрослись в большой народ, то стали заниматься грабежом и беспокоить другие народы. Однажды гуннские охотники, преследуя добычу, встретили лань (по другой версии: не лань, а оленя – В.А.), которая вышла из болота. Следом за ней пошли и охотники. Лань то бежала, то останавливалась. Наконец, следуя за ланью, охотники переходят болота, которые прежде считались непроходимыми, и достигают Скифии (Северного Причерноморья – В.А.). Лань исчезла. Думаю, что это сделали те же демоны», заключает непримиримый враг гуннов Иордан. Не подозревая существования другого мира по ту сторону Меотиды, северные гунны, при виде новой земли, приписали все эти обстоятельства указанию свыше. Торопливо они возвращаются назад, восхваляют Скифию и убеждают свое племя переселиться туда. Гунны той же дорогой спешат в Скифию. Все встречающиеся скифы были принесены в жертву Победе, а остальных в короткое время они покорили своей власти. Пройдя с огнем и копьем, гунны покорили аланов, которые не уступали им в военном искусстве, но были выше по своей культуре; они (гунны – В.А.) измучили их (аланов – В.А.) в сражениях».

Безбородые «бесформенные» лица, изуродованные шрамами. Маленькие глазки (возможно, глазки-щелочки). Плоские носы. Острый взгляд, который не способен выдержать ни один «нормальный» человек. Да были ли эти невесты откуда взявшиеся гунны вообще людьми? Или они были и впрямь «демонскими порождениями»? «Исчадиями тьмы», «выходцами из преисподней», «видимыми бесами»? У первого римлянина, алана или гота, задавшегося, при виде гуннов, этим вопросом, вне всякого сомнения, не осталось времени ответить на него. Ибо гунны, как бы извергнутые внезапно низменностью, расположенной севернее Евксинского понта («Гостеприимного» моря, именуемого ныне Черным), прорвались через врата, созданные самой природой между Истром и Сарматскими (Карпатскими) горами, ведущие в Европу. Чтобы попасть в римскую Европу, гуннам необходимо было либо переправиться через Данабий, либо прорваться через две линии римских пограничных укреплений. Эта так называемая «стена Карагаллы» (названная так в честь приказавшего возвести ее римского императора, носившего это прозвище по названию германского плаща, который он любил носить) тянулась в северном направлении от Данабия примерно с места, на котором ныне расположен украинский город Свиточ, до района нынешнего молдавского села Питешть на южном склоне Сарматских гор, а также через расположенную за «стеной Карагаллы», дальше к западу, «Адрианов вал» под нынешним Никополем, близ устья украинской реки Альты. Именно на берегах Альты, уже в эпоху Средневековья, другие «кентавры-кочевники», обрушившиеся на цивилизованный мир из Великой Степи – половцы (кипчаки, куманы или кунны – между прочим,

«куны» – один из этнонимов гуннов) хана Шарукана – разгромили в 1068 г. дружины русских князей Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей.

Историки до сих пор спорят о том, когда и где именно отдельным гуннским ордам удалось впервые вторгнуться в римские владения. Из очевидцев, вероятнее всего, никто не выжил. Жители селений и городов римского Приграничья бежали вглубь империи, охваченные паническим ужасом и распространяя панику на сопредельные территории. Поступавшие в Рим донесения были неясными, недостоверными и противоречивыми. В одном из них гунны описывались даже, как «красивые, статные люди». А ведь это полностью противоречило описанию гуннов упомянутым нами выше военным историком Аммианом Марцеллином. Трезвым в оценках, образованным и умным греком на римской военной службе, которую он начал в рядах протекторов-доместиков (личных императорских телохранителей). Талантливым отпрыском знатной эллинской семьи из сирийского города Антиохии (нынешней Антакии на территории Турции). Спутником и соратником многих цезарей, полководцев и других могущественных римлян. Участником многочисленных походов и осад различных укрепленных городов. Опытным в жизни человеком, которого, казалось, вряд ли что-либо могло особо удивить или потрясти. До тех пор, пока он, не юноша уже, а зрелый, много повидавший в жизни муж 45 лет от роду, впервые не увидел гуннов.

От внимательного взора опытного, узнавшего, «почем фунт лиха», поседелого под римским шлемом эллинского храброго и мудрого военачальника, историка и литератора не укрылось, что отвратительные с виду лица гуннов были сознательно изуродованы порезами, нанесенными ножами. Впоследствии Иордан, дабы усилить и без того драматическое впечатление, производимое этим описанием «демонских отродий» на «цивилизованных» греко-римских читателей, писал, что порезы наносились не ножами, а мечами – боевым оружием. Однако шрамы на лицах гуннов, препятствующие росту бороды и даже вызывающие у Аммиана ассоциации с безбородыми лицами скопцов, не мешали эллинскому интеллектуалу-воину на римской службе воздать должное воинской силе, бойцовским навыкам, высокому боевому духу, стойкости, неприхотливости, звериной дикой ярости этих диковинных в своем нечеловеческом уродстве, но стойких в боях и сражениях, испытанных конных воинов. Отнюдь не женственных, бессильных и трусливых евнухов. А опытных, суровых ратоборцев, вызывающих у него не только отвращение, но и невольное уважение: «Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит в своей дикости всякую меру. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко изрезывают щеки острым оружием (в другом переводе – «ножами» – В.А.), чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся нарезках, то они доживают свой век до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, какие ставятся на концах мостов. При столь диком безобразии в них человеческого образа они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются кореньями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попереть.

Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; но, напротив, избегают их, как гробниц, отрешенных от обычного обихода людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду И на чужбине входят они под кров только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под кровом... Тело они прикрывают льняной одеждой или же сшитой из шкурок лесных мышей (в другом переводе – «из шкурок кротов» – В.А.). Нет у них различия между домашним платьем и выходной одеждой: но раз одетая на шею туника (рубаха – В.А.) грязного цвета снимается и заменяется другой не раньше, чем она рас-

ползется в лохмотья от долговременного гниения. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги – козьими шкурами; обувь, которую они не выделяют ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг (...) Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто сидя на них на женский манер, исполняют свои обычные занятия. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти (так ли это было в действительности, мы скоро узнаем – В.А.), но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что ни попадется на пути. Иной раз, будучи чем-нибудь задеты, они вступают в битву, в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг нарочито рассеиваются и, не выстраивая боевой линии, нападают то там, то здесь, производя страшные убийства. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не случается видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. Они заслуживают того, чтобы признать их **отменными воителями** (выделено нами – В.А.), потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными остриями из кости (в действительности многочисленные археологические находки подтверждают наличие у гуннов стрел и других метательных снарядов с металлическими наконечниками, в т.ч. «свистящими» – В.А.), а сблизившись врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, сблизаются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – далеко оттуда, вырос – еще дальше. Когда нет войны – они вероломны, легко поддаются всякому дуновению перепедающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что не честно, не надежные в слове и темные, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того изменчивы и скоры на гнев, что иной раз в тот же самый день отступаются от своих союзников без всякого подстрекательства и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся».

Вот, собственно говоря, и все, что было известно просвещенным эллинам и римлянам о гуннах (по-гречески: «уннах») в 400 г. п. Р.Х. (вероятном году смерти Аммиана, завершившего последнюю часть своих «Деяний» в 396 г. и, как мы видим, оказавшего сильное влияние на Иордана и других). В году первого вторжения этих отменных, но превосходящих в дикости своей всякую меру воинов. Завывающих, как волки, словно выросших в спины лохматых и приземистых, с длинными гривами, коней. Столь же диких, как и обуявшая темных кочевников страсть к золоту. Население греко-римского мира не разучилось, разумеется, за несколько столетий «пакс романа», воевать. Но оно уже давно не сталкивалось, в большинстве своем, с внешней агрессией такого масштаба и такого чуждого грекам и римлянам во всех отношениях народа, как гуннское нашествие. И потому пережило такой ужасный шок, что осознать всю глубину пережитого им потрясения мы можем, разве что, вообразив себе вторжение на нашу Землю агрессивных, во всем чуждых роду человеческому, «не похожих на людей», «нечеловечески жестоких» (хотя, казалось бы, кто может превзойти человека в жестокости!?) инопланетян, пришельцев из (иного) космоса. Что ни возьми, все говорит в пользу этого сравнения. Привычное оружие оказывалось вдруг неэффективным против ворвавшейся в привычный мир людей свирепой агрессивной «нелюди». Носителей этого привычного оружия как будто пара-

лизовал ужасный, подлинно нечеловеческий, дьявольски-безобразный, внешний вид агрессоров, явившихся вдруг из другого мира, с которыми было совершенно невозможно установить взаимопонимание, как-то «по-человечески» договориться...

Слух о вторжении неожиданных и неведомых пришельцев с быстротой степного пожара распространился от нарушенных ими границ считавшейся официально, как и встарь, единой Римской «мировой» империи. В действительности давно уже разделенной на две половины – Западную и Восточную (возглавляемые каждая – своим особым императором, именовавшимся также принцепсом – «первым», или августом – «божественным», «величественным»). Слух дошел как до обеих тогдашних реальных столиц римского мира, резиденций правящих императоров – Второго Рима, т.е. Константинополя (или, говоря по-современному, Стамбула) и Медиолана (современного Милана) -, так и до Первого, Ветхого, Рима на Тибре, горделиво именуемого «Вечным городом». «Царственный град»-миллионер на Тибре был издавна битком набит варварами – выходцами из всех племен и народов многонациональной империи и соседних стран – служившими в римских вспомогательных войсках – ауксилиях. Начиная с Октавиана Августа императорскими телохранителями были германцы, начиная с Бассиана Каракаллы – скифы и т.д. На улицах и площадях «столицы мира» можно было встретить рабов и вольноотпущенников-либертинов родом из всех провинций Римской «мировой» державы. Изысканной приправой к пирам римской знати и богачей издавна служили красавицы-рабыни с самой экзотической внешностью. Но и в этом многонациональном мегаполисе постепенно росло понимание, что гуннское нашествие есть нечто новое. Нечто в корне иное, чем достаточно беспомощные набеги вечно голодных, жадных до добычи кочевых народов. Эти народы римлянам до сих пор удавалось, рано или поздно, побеждать (не только силой оружия, но и используя принцип «разделяй и властвуй»), порабощать, превращать в своих воинов-«федератов» или «социев» («союзников»), в крестьян-поселенцев, и, в конечном счете, романизировать (обращая их в «римлян» или, хотя бы, «полуримлян», «романцев»).

Но гунны, эти абсолютно чуждые людям, нравам и обычаям греко-римского мира, неведомые человекообразные существа, пришедшие как бы из ниоткуда, не знали ни пахоты, ни виноградарства, не имели крыши над головой, да и не стремились ее иметь, жить оседло. Каким же способом можно было приучить их к оседлой жизни, отучив от кочевой, посадить на землю? С греко-римской точки зрения, гунны не испытывали никаких «нормальных» человеческих потребностей, не имели никакой собственности (в греко-римском понимании этого слова). Каким же «калачом» их можно было заманить, привлечь, заставить жить, как все другие подданные Римской «мировой» империи? Ведь гунны – опять же, с греко-римской точки зрения, даже не имели собственного языка. Не владели человеческой речью, издавая лишь короткие, отрывистые, непонятные, грубые звуки, как звери, убегающие от врага. Увы, но в чем-то убедить, уговорить, перехитрить и обмануть такие существа, не владеющие нормальной человеческой речью, не способные внятно изъясняться, оказывался неспособным и бессильным изощренный, тщательно отшлифованный язык самых искусных римских дипломатов.

Никто не знал, откуда, собственно, свалились на голову «цивилизованному человечеству» (т.е., в понимании греков и римлян, Римской «мировой» империи) эти чудовищные гунны. Похоже, что и сами гунны толком не знали, откуда они. Тем не менее, внезапно они оказались буквально повсюду. И, казалось, не нашлось во всей Римской державе плотин, чтобы удержать этот хлынувший неизвестно откуда и начавший заливать всю империю неудержимый, кровавый поток. Поток, растекавшийся во все ее концы тысячами струек, несущих всему, встречающемуся им на пути, гибель и разорение, разрушение и смерть.

2. Ужасная судьба невест Христовых

В духовном плане греко-римский мир, в момент вторжения свирепых гуннов, находился в переходном состоянии. Так сказать, на переломе. Старые боги эпохи античности постепенно умирали. Они все больше отдалялись, покидали свой привычный мир. Все реже откликаясь на мольбы и просьбы своих почитателей, все больше разуверившихся в прежних, старых, ветхих богах. Хотя еще повсюду высились древние храмы этих прежних, старых, ветхих богов. Император Константин I Великий, основатель Нового, или Второго, Рима, на Босфоре, названного в его честь, в довольно скором времени, Константинополем – «городом Константина», хотя и сделал христианство де-факто поначалу признанной официально, а впоследствии и государственной религией Римской империи, культ прежних языческих богов отнюдь не отменил и храмы их не тронул. За исключением храмов богини любви и красоты Афродиты-Венеры. Император-воин считал ее расслабляющий, чувственный культ крайне вредным с точки зрения необходимости поддерживать в «римских мужах» прежнюю воинскую доблесть, которую всеми силами стремился возродить. Но, хотя еще поднимался к небу благовонный дым курильниц и приносились кровавые жертвы на алтари древних языческих божеств, становилось все более очевидным, что дни их уже сочтены. Официальный Рим формально по-прежнему воздавал почести римским государственным богам – громовержцу Юпитеру, богам воинов Марсу и Геркулесу, богу-кузнецу Вулкану, богу торговцев Меркурию, лучезарному Аполлону, луноликой Диане и прочим. Однако сердца подданных римских императоров давно уже принадлежали иным богам. Как правило, египетским или азиатским «искупителям», «спасителям» и «избавителям» – Исиде, Аттису, Адонису, Кибеле, Дионису.

Легионарии (обладавшие римским гражданством воины состоявшей из легионов регулярной армии) и ауксилиарии (воины вспомогательных частей, не имевшие римского гражданства, но надеявшиеся заслужить его потом и кровью), несшие ратную службу на Востоке «мировой» империи, отражая нападения парфян, сарматов, персов и других восточных «варваров», переняли от парфян и персов солнечный культ древнего арийского бога-спасителя Митры (Мифры, Михра, или, по-армянски – Мгера). Этого ведического хранителя договоров и авестийского «ока» верховного Благого Божества Ормузда, или Оромазда (от персидского «Ахура Мазда» – «Мудрый Бог»). Культ Митры они переносили на новые места своей службы – на Запад и в другие части Римской «мировой» державы. Там бог света Митра (порой ассоциируемый римлянами с Марсом, Аполлоном, Гелиосом) усердно почитался, под именем «Непобедимого Солнца» (Соль Инвиктус), даже в самых отдаленных римских военных гарнизонах. Восточная по происхождению вера в искупителя Митру – митраизм – распространилась по всей Римской державе. Ее исповедовали даже императоры. А необычный культ, зародившийся в маленькой колониальной территории на берегах речушки под названием Иордан, где римский наместник-прокуратор правил горсткой вечно склонных к мятежу, жестоковейных иудеев, распространился до самого Рима и даже до римской провинции Галлии. И получил немало приверженцев среди «маленьких людей», лишенных корней «безродных космополитов» имперской метрополии и даже среди римских воинов.

Гунны, нарушившие «священные» и «нерушимые» (с традиционной официальной точки зрения) границы империи и вторгшиеся в римские пределы, «подобно некоему урагану племен» (Иордан), были орудием небесной кары грешному человечеству за грехи. Это стало сразу ясно всем, прослышавшим о вторжении этих «порождений демонов» в «мир людей». Столь ужасное во всех отношениях нашествие могло иметь только «потусторонний» характер. Характер прихода в этот мир пришельцев из иного мира. Однако небеса карали, судя по всему, всех скопом. Без разбора. Не отделяя правого от виноватого. Грешника – от праведника. Христиа-

нина – от язычника. Митраиста – от иудея. Взрослого – от ребенка. Все они, без разбора, гибли от гуннских стрел, растаптывались гуннскими конями.

Молодая благочестивая вдова из знатного римского рода, обратившись в христианство, возжелала совершить паломничество в Землю Воплощения, дабы поклониться святыням, описанным в Библии. В этом не было ничего необычного. По всей территории Римской империи, постоянно передвигались многочисленные путешественники, совершавшие как деловые, так и, выражаясь современным языком, «ознакомительные», «туристические» поездки. Да и могло ли быть иначе? Ведь на всей территории Римской империи единый для всей державы официальный – латинский – язык открывал все двери. Повсюду принималась к оплате единая для всей страны валюта – римские монеты. Римляне и римлянки были господствующей элитой и могли чувствовать себя в большей безопасности, чем кто бы то ни было, независимо от того, решили ли они съездить в Испанию или, скажем, на побережье Евксинского понта.

Молодую вдову звали Павла. Из своих пяти детей она взяла с собой в дальнее странствие к святым местам лишь одного ребенка – дочь Евстохию. Мать и дочь отправились в путешествие. Причем в сопровождении уважаемого учителя-христианина по имени Софроний Евсевий Иероним – будущего блаженного Иеронима Стридонского – отца церкви и автора «Вульгаты» – перевода христианского Священного писания на латинский язык. Иероним был не старше Павлы, но успел повидать в жизни гораздо больше, чем молодая вдова. Сын состоятельных родителей-христиан из не существующего ныне далматского города Стридона, Иероним (крестившийся уже взрослым) изучал в Риме философию, грамматику и другие светские науки. Полученное Иеронимом блестящее образование открывало перед ним дорогу к успешной служебной карьере, богатствам и почестям. Однако во время поездки в римский город Августа Треверов (современный Трир) на реке Мозелле (современном Мозеле) Иероним переменил свои жизненные планы. Решив стать монахом, он объездил всю Малую Азию. После нескольких лет отшельнической жизни, приехал в Антиохию на Оронте (родной город доблестного воина и анналиста Аммиана Марцеллина), где был рукоположен в священники. Оба «римлянина» – грек Аммиан и далмат Иероним Стридонский -, пребывали в Антиохии в одно и то же время, и оба испытали Великий Страх, когда римская земля впервые задрожала под копытами гуннских «кентавров».

«И вот, когда я отправился на поиски места пребывания, достойного такой женщины (Павлы – В.А.), внезапно отовсюду стали прибывать вестники несчастья. Поистине, весь Восток содрогнулся при их приближении, ибо они принесли весть о том, что из отдаленной Меотийской земли, лежащей между восточной оконечностью Евксинского понта и рекой Тирасом (сегодняшним Днестром – В.А.), вторглись полчища гуннов. Дотоле крепости, возведенные Александром Великим там, у врат Азии, защищали земли Запада от ватаг этих грабителей, а остальное довершали высокие кавказские скалы. Теперь же гунны мчались во все стороны на своих несущих опасность конях, распространяя всюду в людях страх, быть убитыми ими, ибо римское войско в то время удерживало в Италии гражданские войны».

Иероним Стридонский – самый высокообразованный, наиученейший среди христианских святых IV в., – верил в несокрушимую мощь крепостей, построенных шестью столетиями ранее. Он ни на йоту не сомневался в превосходстве античной, греко-римской, средиземноморской культуры. В бессмертии всего того, чему его учили. Того, что наполняло его знаменитую библиотеку. Того, чему он сам учил других и что писал. Он вошел в историю свидетелем и, пожалуй, наиболее убедительным выразителем неспособности ошеломленных греко-римлян осознать происходящее. Свидетелем полной беспомощности, доводящей в человеческом воображении постигшее мир бедствие до непомерных, недоступных пониманию масштабов:

«Да удержит Иисус сих зверей подальше от Римской державы. Они появлялись там, где их ожидали меньше всего. Благодаря своей быстроте они опережали все слухи об их приближении. Они не признавали святость религий, ибо сами религии не имели. Они не щадили ни

положения, ни возраста, и не проявляли сострадания к беспомощным детям. Грудных детей, едва начавших жить, они заставляли умирать. И малютки, не подозревая, что за ужасная участь их ожидает, еще улыбались, когда их убийцы уже хватали их и обнажали мечи.

Общее мнение гласило, что их истинной целью был Иерусалим; в этот город гуннов влекла их ненасытная жажда золота. Поэтому стали спешно укреплять стены города, запущенные и обветшавшие в беззаботное мирное время. Антиохия была осаждена гуннами, Тир (ныне – Сур в Южном Ливане – В.А.) недавно попытался отделиться от материка и найти убежище на острове, как в прошедшие столетия, когда враг его еще звался Александром (Иероним имел в виду македонского царя-завоевателя Александра Великого, захватившего и разорившего Тир в IV в. до Р.Х. в ходе своего Восточного похода против древнеперсидской державы Ахеменидов – В.А.). Живыми свидетелями всего это мы стали в Тире, вынужденные, как и жители этого города, пребывать в постоянной готовности бросить все и сесть на корабли, стоящие, готовые к отплытию, близ берега, чтобы выйти в море при приближении врагов. И, хотя свирепствовали штормовые ветры, мы опасались кораблекрушения меньше, чем варваров, страшаясь не столько за собственную безопасность, сколько за целомудрие девственниц».

Свидетели, очевидцы и летописцы нашествия гуннов, Вселенского Ужаса, жили как будто в расколотом мире. Одни из них явно стояли все еще «обеими ногами», так сказать, на почве традиционного античного язычества. Эти язычники изощрялись в описаниях отталкивающей внешности гуннов. Ужасались их физическому безобразию. Поражались физической силе гуннов. Их воинственности, необычному и непривычному вооружению, стремительности гуннских боевых коней. Другие же свидетели и летописцы – христиане, воспринимали гуннских «кентавров» как воплощение злых сил, исторгнутых самой преисподней. Однако же при этом считали главной целью гуннских нападений не закоренелых грешников, на которых разгневаные небеса наслали, в виде гуннской «нелюди», кару и воздаяние за грехи. А тех, на ком нет греха, чистых, незапятнанных, невинных дев. Хотя, к примеру, Иероним, живший в миру и знающий мир, и оговаривался, что больше всего гуннов влечет все-таки к золоту.

Ах, если бы гуннские разбойники, практически не встречавшие отпора, удовлетворяли только свою жажду золота! Это было бы полбеды. Аскета и священника Иеронима не слишком интересовали земные блага и сокровища. Возможно, он даже примирился бы с «грабительским» аспектом гуннского нашествия. Как с грозным предостережением, напоминанием всему погрязшему в беззакониях и нечестии, заблудшему миру загнивающего на глазах язычества о необходимости одуматься перед лицом внезапно нависшей над миром смертельной угрозы. И, выражаясь евангельским языком, сотворить достойный плод покаяния, пока еще не поздно, ибо «уже секира при корнях деревьев лежит». Однако свидетели зверств, творимых гуннами в захваченных ими с налета многочисленных селениях и городах, гораздо чаще говорят о том, как гунны овладевали римскими женщинами и девицами, чем о том, как «видимые бесы» овладевали римским золотом. Ибо ведь золото было не всюду, не у всех. Слишком много римских граждан лишилось последнего, попав в загребущие лапы ненасытного императорского фиска, кормившего все возрастающую армию алчных государственных чиновников. А вот женщины и девушки были – увь! – повсюду. В том числе в построенных христианами в разных местах империи женских монастырях. Захватывавшие их гунны искренне изумлялись. Римляне как будто вознамерились воздать им, как дорогим и долго ожидаемым гостям, особую честь. Собрав для них то, что захватчикам было милее и нужней всего. За низкими стенами, безо всякой защиты – может быть, в качестве не подарка, а выкупа? – гунны обнаружили целые сестричества, т.е. общины женщин и невинных дев, не знавших никогда мужчин, невест Христовых. Именно о них, несчастных, оскверняемых «кентаврами» монахинях, думал Иероним, строгий ревнитель нравственности и целомудрия, когда писал об опустошавших римские владения нечестивых гуннах и гуннских союзниках из числа других варварских племен в своем

послании одному епископу из числа своих друзей, чтобы хоть как-то утешить верного собрата во Христе в годину несказанных бедствий:

Душа моя, писал он, ужасается при мысли об упадке, переживаемом миром в наше время. Вот уже более двадцати лет от Константинополя до Юлийских Альп проливается римская кровь. Земля скифов, Фракия, Македония, Фессалия, Эпир и вся Паннония разгромлены, ограблены и опустошены нашествием готов, сарматов, квадов, аланов, гуннов, вандалов и маркоманов. Сколько добродетельных, почтенных женщин, сколько посвященных Богу девственниц, благородных, безупречной жизни, осквернено в ходе этих войн! Епископы пленены, священники и иные духовные лица убиты, церкви разрушены или превращены в конюшни, мощи святых мучеников развеяны в прах.

Тем не менее, этот отчаявшийся человек обретает помощь, опору в беде, там, где он, вероятно, никак не ожидал ее обрести. В полученном им богатом римском, греческом, иудейском образовании, в древнем язычестве и в иудейских писаниях. Которые он, в совершенстве изучивший несколько языков, способен прочесть, владея ими настолько свободно, что, в конце концов, напишет «Вульгату», латинскую Библию:

«Всюду ужас, и скорбь, и смерть многоликая всюду, говорит Вергилий в Энеиде. Римская мировая держава рушится, и все же мы остаемся непоколебимыми. Как ты думаешь, каково сейчас коринфянам, афинянам, лакедемонянам, аркадянам, каково сейчас всей Греции, над которой сегодня господствуют варвары? Сколько захвачено монастырей! Сколько рек окрашено человеческой кровью! Была взята даже Антиохия. Как это сказано у Вергилия? Если бы сто языков и столько же уст я имела / Если бы голос мой был из железа, – я и тогда бы / Все преступления назвать не могла и кары исчислить...»

Трогательной и в то же время трагикомической представляется нам сегодня эта попытка бежать, укрыться, словно в «башне из слоновой кости», в прославленном в веках произведении древнего римского поэта, увенчанного лаврами стихотворца далекого прошлого, «римского Гомера». Попытка уйти в мнимую реальность чеканных строк Вергилия, четкий бронзовый ритм его гекзаметров. Как будто Иероним догадывался о том, что лишь это сохранится в веках от величайшей, претендующей на вселенскость, «мировой» империи античности... Не считая, разумеется, нескольких кубических тонн обтесанного камня. Да еще трех городов – Помпей, Стабий и Геркуланума – сохранившихся до наших дней под покровом засыпавшей их при извержении Везувия вулканической лавы. Ну, и конечно, сети римских мощеных дорог, столь разветвленной, протяженной и обширной, что ни гуннам, ни готам, ни аварам, ни другим варварам не удалось их уничтожить.

Великий «Вселенский Учитель», несомненно, прозревал своим мысленным оком, что гуннскому нашествию под силу сокрушить лишь сей, во зле лежащий, временный, посясторонний, преходящий мир. Мир, который, вероятнее всего, постигла б неминуемая гибель и без нападения гуннов. Как сказал позднее отпавший от христианства философ Фридрих Ницше: «Что падает, то нужно ещё толкнуть!» (другой вариант перевода: «Падающего толкни!» – В.А.) Суть данной мысли: всё слабое и больное должно само очистить мир от своего присутствия. Ницше прилагал эту мысль к человеческому обществу, к эволюционному процессу в рамках социального развития, в ходе которого выживает сильнейший. Этика данной мысли заключалась, с точки зрения Ницше, в том, что обществу необходимо периодическое самоочищение. Иначе оно заболит и вымрет, и его заменит другое общество, более жизнеспособное. Толчок был дан. И без того стремящийся к падению и уже падающий в пропасть, заблудший, погрязший в грехах античный мир толкнули в бездну «демонские порождения». «Дети мрака». Пришедшие, по непостижимой прихоти судьбы, с Востока, откуда до того пришли Спасение и Свет. Спасение для христиан и Свет для митраистов...

Все богатства и радости жизни не помогли Антиохии на Оронте, нынешней маленькой Антакье на территории Турции, а в описываемое время – многолюдной, сравнимой по раз-

мерам и по численности населения с Ветхим Римом на Тибре и Новым Римом на Босфоре «Невесте Сирии», этому преисполненному блеска центру эллинистической цивилизации. Цели и конечному пункту всех караванных путей. Богатому и жизнерадостному мегаполису, заложенному когда-то Селевком Победителем (или, по-гречески – Никатором). Сподвижник Александра Великого, он основал на реке Оронте (ныне – Эль-Аси) столицу созданного им на обломках простиравшейся от Македонии до Индии гигантской евразийской «мировой» державы Александра, несколько меньшего по размеру, но тоже громадного Сирийского царства (хотя сам горделиво именовался не просто царем Сирии, но «царем Азии», подобно самому «божественному» Александру). И вот теперь эта столица не смогла устоять перед натиском гуннов. Ключ от ворот к античному Средиземноморью оказался во власти никому не ведомых людей. Или «нелюдей», не знавших даже, что такое ключ и что такое ворота. Не ведавших ни каменных стен, ни домов, ни дорог.

За одну ночь цветущий, многолюдный город, центр тогдашней мировой торговли, в котором каждодневно встречались христианство и культ Митры, Восток и Запад, Рим и Азия, обрел новых хозяев. Хозяев, чуждых, казалось, всему человеческому. Самые богатые купцы успели своевременно спастись бегством в пустыню. Ибо к их услугам были быстроногие верблюды-дромадеры. Гунны не гнались за беглецами, успевшими покинуть город, обреченный на поток и разграбление. Ведь даже гуннские непрехотливые, привыкшие довольствоваться малым кони не смогли бы прокормить себя в пустыне. К тому же тот, кто тратил время на преследование беглецов, лишал себя возможности участвовать в разграблении захваченного города. А тот, кто не смог принять участия в грабеже Антиохии в первый день, поспел бы, на второй день, лишь к «шапочному разбору»...

В павшей резиденции наместника римской провинции Сирия воцарились страх и ужас. По широкой главной улице Антиохии, обрамленной колоннадами на протяжении 36 стадий (иными словами, примерно семи километров), гунны гнали своих степных скакунов, топтавших мраморные плиты, которыми был вымощен проспект, торопясь отрезать обезумевшим от страха беглецам путь к спасению.

Семь лет епископом Антиохийским был святой апостол Петр. Именно в Антиохии было, на момент нашествия гуннов, проведено уже 15 церковных соборов. Однако ни блеск Антиохии языческой, ни святость Антиохии христианской не смогли спасти от захвата и разграбления древний город, разделенный четырьмя мощными стенами и представлявший собой, т. о., четырехкратно укрепленную твердыню.

«Они (гунны – В.А.) оказались среди нас, не знающих, откуда они пришли» – выцарапал на сломанной табличке неизвестный житель Антиохии, вероятнее всего, переживший свою запись всего лишь на несколько часов. «В святых источниках они поили лошадей. На храмовых ступенях они овладевали нашими женами. О колонны нашего города они разбивали головы наших детей. Наши дочери покидали Антиохию нагими, переброшенными через конские холки. Мы никогда их больше не увидим...»

Казалось, что новый для язычества идеал целомудрия был привнесен в старый мир молодым христианством – страшно не только сказать, но и даже помыслить! – лишь для того, чтобы сделать бедствия, постигшие этот мир в IV в. после Рождества Христова еще более страшными и еще больше растравить душевные раны тех несчастных, на которых они обрушились столь внезапно. Правда, в античном Риме целомудрие требовалось от весталок – жриц Весты (аналога греческой Гестии), богини домашнего очага, несших свое благочестивое служение в самом сердце мировой державы, в круглом храме посреди «Вечного города» на Тибре с миллионным (или, по крайней мере, полумиллионным) населением. Христианство же было изначально, прежде всего, религией жителей провинций, покоренных римским оружием окраинных, далеких от «Вечного города», территорий. Новая вера пришла в Рим с Востока, «созрев» и «дозрев» до Рима в отдаленных военных гарнизонах, и христианки преклонялись перед волей своих

духовных пастырей, будучи хорошо осведомлены о всеобщем падении нравов и разврате, царящем в «столице мира» – этом «вселенском блудилище». О безудержном, неистовом распутстве нечестивых императоров и подражающих своим растленным владыкам распутным придворных. Развращенных до мозга костей. Одержимых духом стяжательства. Думавших лишь о наслаждениях и плотских утехах. Будь то в Риме или в Антиохии. И вот этим-то целомудренным и благочестивым христианкам, едва избежавшим преследований Иовия Диоклетиана и подобных ему лютых гонителей Христовой церкви, суждено было пасть жертвой необузданной варварской похоти! И когда? Именно теперь, в момент, когда все больше римлянок и римлян по всей империи обращалось в новую веру или склонялось к этому! Когда над Римской державой воссиял свет учения нового, милосердного Бога! Что за жестокая ирония судьбы!

Священникам и церковным учителям тех первых столетий истории христианства пришлось приложить немало усилий, чтобы объяснить и убедительно изложить своей пастве, почему Господь Всемогуший все это допустил.

В 409 г. епископ североафриканского города Гиппона (Иппона) Регия (нынешнего алжирского города Аннабы) в своем письме пресвитеру (священнику) по имени Викторин, возроптавшему по поводу гибели от варварского меча добрых и праведных монахов, подчеркивал: не важно, были ли их души отделены от тел горячкой или же мечом. И утверждал, что Бог смотрит не на то, посредством и вследствие чего, а на то, в каком душевном состоянии они уходят из жизни и идут к Нему.

Этим епископом Гиппонским (или Иппонийским) был не кто иной, как рожденный в Нумидии (располагавшейся на территории части сегодняшних Туниса и Алжира) в 354 г. за 20 лет до первых нападений гуннов на римские земли, и умерший в 430 г., за 21 год до битвы ополчения римско-галльско-алано-германской Европы с царем гуннов Атилиой и его союзниками на Каталаунских полях, Аврелий Августин. Человек, получивший блестящее образование в Карфагене. Обращенный в христианство епископом Амвросием Медиоланским. И ставший в 396 г. епископом города Иппона в римской провинции (Северная) Африка. Гибель античного мира в бурях «Великого переселения народов» побудила Августина к написанию главного сочинения его жизни – «О граде Божьем» («De civitate Dei»). История человечества, излагаемая Августином в этой книге – «первой всемирной истории» – представляется ему непрерывной борьбой двух враждебных «градов» (а сели быть точнее – «царств», или «государств»). Преходящего, временного, недолговечного, тленного «царства земного», «царства дьявола» приверженцев всего земного, врагов Божиих, т. е. светского мира («цивитас террена», «цивитас диаволи»), с одной стороны. И вечного, непреходящего «царства» (града, государства) Божьего («цивитас деи»), с другой. При этом Августин отождествлял Царство Божье, в соответствии с его земной формой существования, с непреходящей, вечной (до конца света и, соответственно, земного исторического времени) христианской римской церковью (которую, по евангельскому слову Спасителя, не одолеют «врата адовы»). А отнюдь не с земным Римским царством (государством) – не вечным (как предполагала прежняя светская имперская концепция «Вечного Рима», «Рома Этерна»), а преходящим и временным, как все земное.

Но пока что книга епископа Иппонийского «О граде Божьем» еще не была написана. А его письма, написанные в годину бедствий, казалось, возвещающих начало конца света, гибели мира (привычно отождествляемой в сознании римлян с гибелью Римской «мировой» державы), давали верующим хоть какое-то утешение. Как не просто было Августину найти обоснование и оправдание терпимости Бога к немилосердным мучителям Его благоверной паствы и объяснение невероятным страданиям невинных, явствует из представляющихся нам сегодня несколько витиеватыми – если не сказать «притянутыми за уши»! – рассуждений Августина. Например, относительно судеб плененных варварами христианок:

Откуда нам знать, вопрошает епископ Августин, какие чудеса всемогуший и милосердный Бог желает, чрез этих плененных женщин, сотворить даже в варварской стране? И как бы в

ответ на собственный риторический вопрос, рассказывает удивительную историю о христианской девушке, плененной варварами, увезенной и принужденной влачить у язычников рабскую жизнь. Семья варваров, которым служила молодая рабыня, заболела. Как и подобало доброй христианке, пленница стала горячо молиться о выздоровлении своих хозяев. Милосердный Бог преклонил слух к молитвам невольницы. Ее больные хозяева выздоровели. Воочию убедившись в силе молитв, возносимых христианскому Богу, и в Его могуществе, они уверовали в Него. Приняли Святое Крещение и в благодарность отпустили пленницу, в веру которой обратились и через которую Бог даровал здоровье их смертным телам и вечное спасение их бессмертным душам, на волю. После чего полонянке было позволено возвратиться домой, к своим родным и близким.

Поэтому епископ Иппонийский советовал молиться за плененных варварами женщин и девиц, осведомляться об их судьбах (не уточняя, каким образом – В.А.). Вообще же, по его твердому убеждению, если они сохраняют стойкость и твердость в вере, Бог их не оставит. Он не позволит одержимым дурными страстями врагам Рима и Христовой веры посягнуть на целомудренное тело христианских полонянок. Если же Он это и допустит, то лишь на соблазнителе будет лежать вина за то, что его жертва совершила или позволила совершить над собой, не испытав при этом сладострастного наслаждения и не будучи сама повинной в грехе блудной страсти. Ибо, если ее душа не будет запятнана позорным согласием, она сохранит от вины и свою плоть. Формула «если не можете сопротивляться насильникам, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие» в представления Августина явно не укладывалась.

3. Когда грядет кончина мира

Разумеется, гуннские «кентавры» были не первым из нападавших на Рим кочевых и полукочевых народов. Народов, которые римляне, не делавшие между ними особых различий, всем скопом, обобщенно, называли «варварами». Еще до Рождества Христова отдельным племенам кочевников или полукочевников случалось вторгаться с севера в римские пределы. И всякий раз превосходящим варваров выучкой, дисциплиной, наступательным и защитным вооружением, знанием местности римским войскам, под командованием испытанных, опытных полководцев, неизменно удавалось, нередко после жестокой, но всегда успешной для римлян «игры в кошки-мышки», разгромить и уничтожить вторгшихся врагов. Истребить медленно тащившиеся по римским пажитям дикарские – преимущественно германские – племена. Обремененные повозками, женщинами, детьми и стариками, следовавшими за воинами – варварским «народом-войском» в затруднявшем его продвижение обозе. Так, в конце II в. до Р.Х. германское племя тевтонов двинулось с полуострова Ютландия (на территории современной Дании) на юг и вторглось в Галлию, соединившись с кимврами (возможно, не германским, а кельтским племенем, отнюдь не тождественным древним индоиранским или ираноязычным киммерийцам, упоминаемым в ассирийских клинописных документах как «гимирру», а в Ветхом Завете – как «Гомер»). После чего, вместе с ними и с другими германцами, направилось в Северную Италию. Римский полководец и военный реформатор Гай Марий разгромил в 102 г. до Р.Х. при Аквах Секстиевых и поголовно истребил десятки тысяч тевтонов и членов их семей. Хотя последние вряд ли представляли собой реальную угрозу для далекого Рима и могли быть с большой выгодой проданы в рабство (впрочем, когда рабов оказывалось слишком много, цены на них падали, и потому римляне в подобных случаях практиковали массовый забой излишнего «двуногого скота»). Еще раньше, при римском диктаторе Марке Фурии Камилле, напавшие на римлян с севера галлы (кельты) даже захватили в 387 г. до Р.Х. «Вечный Город». Знаменитые священные гуси храма богини Юноны спасли своим гоготом от взбиравшихся безлунной ночью на стены галлов не собственно Рим, уже захваченный ими, а лишь римский кремль, или акрополь, высившийся на вершине Капитолийского холма.

Теперь же, через полтысячелетия после победы римского диктатора Гая Мария над тевтонами, все было иначе. Кочевые народы, наступавшие неудержимою волной на Рим, теснили, гнали и толкали перед собой друг друга. Пути назад у них не было. Напиравшие на них сзади другие орды заставляли их переправляться через реки, прорываться через римские линии укреплений. Потому что за римскими пограничными валами, на просторах обширной империи, было в достатке свободных земель. А в спину переселенцам дышали жестокие, неумолимые преследователи, накатывавшиеся неудержимыми волнами с территории нынешнего Юга России и Украины. Страх и ужас, испытываемые варварами, гонимыми и теснимыми другими варварами, передавались римлянам, уже давно переставшим быть «цивитас армата» – вооруженной общиной, доблестным народом-войском, порождавшим из своей среды камиллов, мариев и цезарей. Да и бывшее превосходство римских войск в вооружении (особенно защитном), несмотря на постоянно возрастающее число полевых боевых метательных машин – катапульт – все больше уходило в прошлое. Вместе с длинными копьями были заброшены тяжелые доспехи, обеспечивавшие телам римских солдат надежную защиту. Причем в этом были повинны сами изнежившиеся римские воины. В имперской армии в то время служили, главным образом, совсем отпетые «молодые негодяи» (именно таков буквальный смысл китайского иероглифа, означающего «солдат»), которым «на гражданке» было совершенно «нечего ловить». Они требовали от августейших императоров освободить их от ставших для них «слишком тяжелыми» металлических лат и обитых металлом щитов (отнюдь не бывших в тягость их предшественникам, служившим под орлами тех же римских легионов). И импе-

раторы шли им навстречу. Ибо сменялись, в хаосе охвативших Римскую державу с III в. п. Р.Х. гражданских войн, с поистине калейдоскопической скоростью. И потому зависели от прихотей своих солдат, как никогда дотоле. Сформированные в римской кавалерии во времена поздней империи, в целях более эффективного сопротивления панцирной коннице парфян, сарматов, персов и аланов, относительно немногочисленные части конных латников – катафрактариев (в кольчатых или чешуйчатых доспехах) и клибанариев (в пластинчатых доспехах) – общей картины, к сожалению (для римлян) не меняли. Росло увлечение метательным оружием. Римские воины все больше становились похожими на варваров (даже если не были варварами по происхождению). Не зря римский военный теоретик Флавий Вегеций Ренат подчеркивал в своем трактате о военном искусстве, что «оружие всадников (римской армии – В.А.) УЛУЧШИЛОСЬ (выделено нами – В.А.) по примеру готов и аланской и гуннской конницы». К тому же число варваров в составе римских армий постоянно возрастало. Ведь варвары надеялись, отслужив в римской армии (служба в которой изначально считалась честью и привилегией, была доступна лишь полноправным римским гражданам, впоследствии же – латинянам и другим италикам), стать римлянами. Получить римское гражданство, землю, выслужиться, сделать военную или гражданскую карьеру. В то время как изнежившиеся и развратившиеся, измельчавшие потомки Ромула, природные римляне, старались службы под орлами избежать и всеми способами «откосить от армии» (как выразились бы сейчас). Поэтому римская армия, противостоявшая вторгавшимся в империю извне варварским ордам, сама становилась все более варварской, сохранявшей лишь смутные остатки прежних римских военных традиций. Когда же процесс разложения завершился, варвары без особого труда переступили через разлагающийся труп бывшего «экзерцитус романус». Непобедимого и легендарного римского войска, умершего (если не сказать – сгнившего на корню), прежде чем упасть к ногам завоевателей. Завоевателей, в свою очередь, достаточно романизированных на момент окончательного крушения римской державы и римского «мирового» порядка. Однако это произошло лишь через семь десятилетий «с гаком» после первого вторжения в римские земли гуннов, их союзников и тех варваров, которых гнали перед собой гунны и их союзники. Виднейшие мыслители описываемого нами времени сумерек греко-римского мира, к мнению которых прислушивались, были, в большинстве своем, христианами. Христианская монотеистическая религия, вера в Единого (а если быть точнее – Троидного, Триипостасного) Бога, больше соответствовала их высокой образованности, чем казавшийся ученым людям того времени детски наивным, анекдотично-противоречивым, мир многочисленных богов античного Рима. Эти многоученые мужи не сомневались в том, что мировая Римская империя пережила себя. Причем по той простой причине, что больше не имела религии, способной оправдать и поддержать ее существование в качестве единого целого, и тем самым утратила мандат на власть, властные полномочия. Какую объединяющую, (обще) государственную или, выражаясь современным языком, «национальную» идею она могла предложить своим подданным? Конгломерату покоренных римлянами народов, некоторые из которых были поработены «царственным городом» почти тысячелетие назад?

В силу вышеизложенных причин, все ожидания и надежды отцов и учителей церкви, христианских епископов Малой Азии, Африки и Галлии, бывших, несмотря на исповедание ими новой, христианской веры, в силу образования, происхождения и условий жизни, римлянами до мозга костей, и потому, мечтавших, очевидно, вопреки евангельскому слову, «вливать новое вино в старые мехи», были связаны с преображением и обновлением Римской «мировой» державы. С ее преобразованием в христианскую Римскую империю. Мира без Рима и вне Рима они, в отличие от автора «Апокалипсиса», откровенно радовавшегося видению гибели «Великой блудницы, сидящей на семи холмах», явно не могли себе представить. Это превращение нехристианской и даже, временами, антихристианской Римской державы в христианскую должно было, вероятно, совершиться путем постепенного наполнения старого римского

панциря, надежно защищающего тело римского народа (включая и римлян-христиан), новым мышлением. Идеей проповеди христианства и обращения к нему заблудших душ. Однако с сохранением римского порядка, римской культуры, римских законов, римского образования и римского общества. Хотя и под новым знаком Креста. Креста, на котором за грехи мира (т.е. Рима) был распят и пострадал Христос. Пострадал, чтобы умереть и воскреснуть вновь для этого мира (и Рима).

Однако эти благочестивые, хотя, возможно, несколько наивные ожидания и надежды оказались, в одночасье перечеркнуты вторжением варваров. Эти «чужеземцы из ниоткуда», гонимые другими «чужеземцами из ниоткуда», наступавшими им на пятки и дышавшими им в затылок, не испытывая ни малейшего благоговения ни перед кем и ни перед чем, никого и ничего не щадя. Те же, кто гнал и преследовал этих варваров – гунны, корень всего зла, причина бедствия, которым стало для римлян «Великое переселение народов», были, с христианской точки зрения сущими «дьяволами во плоти». Крепко сидящие на низкорослых и мохнатых конях варвары с пылающими факелами и окровавленными мечами в руках врывались с диким гиканьем в селения, неслись через деревни, поджигая кровли, лили кровь, как воду. Хищные птицы, воронье, бездомные собаки пожирали трупы. По задымленным дорогам тянулись нескончаемые вереницы пленников, покорно шедших навстречу ожидавшей их рабской участи. Повсюду царили страх и ужас. И Римская империя, унаследовать которую, наполнив ее новым содержанием, столь страстно желали христианские мыслители, грозила окончательно рассыпаться на части. Предпочтя падение в языческий Аид (т.е. ад – с точки зрения христиан) покаянию и подчинению воле милосердного христианского Бога.

В подтверждение своей точки зрения Августин указывал на идущие повсюду войны, голод, опустошения, смену одних царств другими, землетрясения, множась несчастья, одолевающие людей бедствия, охлаждение любви и умножение зла на земле.

И тут в его мировоззрении произошел неожиданный поворот. Он начал проповедовать необходимость отвращения от мира сего, оказавшегося под внешней угрозой покорения гуннами. От мира, который ему, как и всем патристически настроенным римским христианам, так хотелось покорить самим, для себя, изнутри. Теперь он утверждал, что, когда грядет кончина мира, христианам следует уйти из этого мира. Ибо им нельзя прилепляться к нему сердцем своим... Чем ближе конец света, тем больше возрастают заблуждения, несправедливость и неверие...

«Нетрадиционное» для завоевателей, исключающее всякую возможность какой-то договориться с ними, поведение гуннских «кентавров» в захваченных ими градах и весях христианского римского мира, лежащего в прахе под копытами гуннских коней, носило характер некой ультимативности, эсхатологичности. В отличие от прежних варваров-завоевателей, они врывались в селения и города не для того, чтоб разместиться в них самим как можно комфортабельнее и удобней. Они входили в римские дома не для того, чтобы самим в них жить. Гунны, казалось, вовсе не стремились навязать свое господство побежденным в традиционной, привычной для римлян форме. Нет, они являлись и вели себя, словно безжалостные палачи, приводящие в исполнение смертный приговор, произнесенный над заблудшим Римом в Предвечном Совете. Не делающие различий между добрыми и злыми, добродетельными и порочными, виновными и невинными, старыми и молодыми, они казались ниспосланными небом или адом исполнителями приговора Страшного суда. И не случайно римляне дали гуннскому царю Аттиле прозвище «Флагеллум Деи», т.е. «Бич Божий». Данное прозвище свидетельствует о том, что в тогдашнем общественном сознании повелитель гуннских «инопланетян» воспринимался как смертоносное орудие разгневанного Всемогущего Бога. Бога, разгневанного людскими пороками. Пороками людей, наполнивших, наконец, меру своих беззаконий и переполнивших чашу Божественного терпения. Ведь и дьяволы, бесы, терзают и мучат грешников в аду не по собственной прихоти (с какой стати злым духам наказывать творящих зло!), а по

воле Всевышнего Бога. Именно Бог превратил когда-то созданных Им и отпавших от Него, падших ангелов, в бесов, поручив им, фактически, карать в аду грешников, осужденных и низвергнутых в преисподнюю, во искупление грехов не бесами, не злыми духами, а Всемогущим Богом... Так, по крайней мере, вероятно, думали епископ Иппонийский Августин Аврелий и большинство современных ему христиан...

Если в незапамятные времена разгневанный Отец Небесный – Бог Всевышний – покарал грешный род человеческий Всемирным Потопом, то теперь он обрушил на грешников новый потоп. «Великое переселение» свирепых, диких, варварских народов, конных, словно всадники Апокалипсиса. Движущей силой этого переселения-потопа были буйные гуннские «кентавры», наидичайшие, наигнуснейшие из всех. Ставшее их жертвой население Римской империи воспринимало проводимый гуннами, тотальный – в представлении римлян – геноцид, поголовное истребление всего рода человеческого, как суровую, беспощадную кару за преизбыток грехов. Смертных грехов римских язычников, которые христиане познали в полной мере за 400 лет императорской власти. Но и как кару за грехи тех римлян, что, хотя и обратились в христианство, сочетаясь Христу и отрекаясь от дьявола-сатаны, но «не совлекли с себя образа ветхого Адама». Оказались не готовыми дать новому Богу все. Ибо их остававшимся «языческими» телам, их остававшейся по сути своей грешной плоти, было, под влиянием «инерции греха», «инерции страстности», «инерции влечения к наслаждениям», слишком трудно решиться вести безгрешную жизнь, «яко ангелам во плоти». За это и пришли карать их «ангелы мести» на своих низкорослых конях-степняках, с луками, стрелами, арканами, выглядевшие существами из иного мира, мира ада, мира преисподней. «...так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»...

Некий сочинитель поучительных стихотворений по имени Павлин (или, иначе, Паулин) писал в созданной им, вероятно, около 400 г. в Южной Галлии дидактической поэме, о совершенных гуннскими «кентаврами» глубоких рейдах по тылам смятенных галло-римлян. Он повествовал о них как о разорительных набегах неприятелей, свирепствующих всюду, рассыпаясь по опустошенным ими землям отдельными племенами, не считая удивительными их победы над римлянами, повергаемыми наземь страхом еще до начала сражения. Павлин явно имел в виду суеверный ужас, распространяемый гуннскими «кентаврами» повсеместно. Ужас, предшествующий их появлению и парализующий всякую волю к сопротивлению. Страх, заставляющий видеть в гуннах не людей из плоти и крови, а демонов, видимых бесов. Вот если бы грешные римляне покалялись в своих грехах, исправились, стали мыслить разумно, освободили свое сознание от затуманивших его пагубных заблуждений, открыв его для Христа; если бы они возжелали вырезать язвы все еще тяготеющих над ними застарелых пороков, тогда никакая сила не устояла бы перед служителями Христа, и их не повергал бы больше наземь лук чужеземных конников, примчавшихся от крайних пределов Востока...

Умри, Павлин – лучше, не скажешь! Нам, людям XXI в., из дидактической поэмы Павлина совершенно ясно, насколько гунны тех кровавых лет превосходили деградировавших римлян. Ибо никто не будет рассматривать нашествие противника, которого считает равным себе, как фатум, рок, как Страшный Суд, как исполнение Божественного приговора над собой. И никто, даже, будучи, в конце концов, побежден противником, которого считает равным себе – известно ведь, военная фортуна переменчива! – не будет – назидательно, но и крайне разочарованно – как вышеупомянутый разочарованный Павлин, подчеркивать, что, к сожалению, ни меч, ни лютый голод, ни даже эпидемии не смогли исправить, вразумить римлян. Римлян, все еще остающихся такими, какими они были, страдающими под временем своих пороков, бесконечно виновных перед Богом и собой...

Так сокрушенно каялся в своих грехах подавленный обрушившимися на его привычный мир несчастьями, глубоко верующий человек, христианин, искренне сознающий все свое несовершенство...

Однако же, так думали тогда отнюдь не все. Многие дерзнули возроптать на нового Бога, как ветхозаветный Иов. Подобный ропот явно слышится, к примеру, в сочиненной около 415 г. п. Р.Х. анонимным автором «Песни о Божественном Провидении». Само это название полно жестокой и горькой иронии, невольно заставляющей вспомнить едкие песенки-«зонги» Бертольта Брехта. Ибо как раз Провидение, на которое охотно ссылались не только в годину гуннского нашествия, но и в последующие столетия, было тогда крайне трудно доступно человеческому пониманию.

Чем провинились невинные дети? Какие преступления совершили юные девы, краткость жизни которых не дала им еще возможность совершать дурные поступки? Почему огню было позволено опустошать Храмы Божьи? Почему было попущено осквернять священные церковные сосуды? Не было защитой девственности незамужних соблюдение ими обета безбрачия. Как не была защитой вдовам их преисполненная любви устремленность к Богу. Даже святые угодники Божьи – отшельники, ведущие уединенную жизнь в удаленных от мира пещерах, умерли той же насильственной смертью, что и не удостоившиеся Святого Крещения. Та же буря одинаково унесла жизни и добрых, и злых. Пораженные жестокими ударами, опаленные огнем, со связанными руками, ропщем и жалуемся мы... (но вот вопрос: кому и на кого? – В.А.).

Мы привели всего лишь несколько скудных свидетельств всемирного характера вопля ужаса, вызванного гуннским нашествием. В восприятии римлян ужасом был охвачен действительно весь мир, ибо «всем миром»-то была для них Римская «мировая» держава. А то, что напало на нее извне, казалось «нежитью», каким-то «морозом», пришедшим в (римский) мир из некоей загадочной, зловещей, мрачной, вечной (?) тьмы. Из не доступной человеческому пониманию и восприятию, неведомой дали, которую зороастрийцы-маздеисты, манихеи, зерванисты, митраисты, гностики и многочисленные христианские сектанты именовали «царством Мрака»...

Поэтому ответом другой стороны на этот вопль потрясенной во всех своих основаниях, ужаснувшейся посюсторонней, римской, стороны было полное, гробовое молчание. Полностью отсутствовало характерное для сообщений о войнах нашей эпохи обилие противоречащих друг другу победных реляций одной из сторон, вовлеченных в вооруженный конфликт и их опровержений, исходящих от другой стороны. Занижение собственных потерь и завышение потерь противника. Преуменьшение совершаемых собственными войсками военных преступлений, преступлений против человечества, зверств, пыток, грабежей. И преувеличение таких, если они совершались армией противника. Словом все то, что в наше время делает все ужасы, жестокости и бедствия войны чем-то обыденным. Все, о чем вещают и показывают нам, вместе с другими новостями, с телевизионных и киноэкранов, в «ютюбе», «фейсбуке», «В Контакте» и т.д. Никто, похоже, не был способен хоть в какой-то мере осознать, понять происходящее. И даже мудрецы в своих речениях уподоблялись вещунам, оракулам, сивиллам. Как, например, епископ Иппонийский Августин, указывающий лишь на то, что мир уже клонится к концу и достигает старческого возраста. Для них, этих сильных духом светочей Христианства, твердых и непоколебимых в вере, потусторонний мир был так же близок, как и посюсторонний. А, возможно, даже более реален, чем этот, земной мир. Но маленькие люди, так называемый простой (да и не только простой) народ, дрожали от непреодолимого страха, охватывающего всякого человека, перед лицом смерти, против его воли. Кровь буквально стынет в жилах, волосы встают дыбом, и только губы непроизвольно повторяют утешительные слова епископа Августина о том, что страдания мира сего не сравнимы с будущим блаженством, которое откроется им в мире ином.

Крылатое изречение: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!» (вариант: «Лучше страшный конец, чем бесконечный страх!») принадлежит, как принято считать, лихому рубака-гусару, прусскому майору Фердинанду фон Шиллю – «немецкому Денису Давыдову» -, основателю добровольческого корпуса для борьбы с наполеоновской тиранией. Говорят, что Шилль в 1809 г. в городке Арнебурге-на-Эльбе воодушевил приведенной выше фразой своих конных партизан, перед очередным налетом на французских оккупантов. Коль скоро это так, именно Шилль мог бы объяснить причину одного из самых загадочных самоубийств в мировой истории, о которой до сих пор спорят историки, не способные прийти к единому мнению. А именно – самоубийства старого (как говорят, 100-летнего или даже 110-летнего!) царя остготов Германариха, перед лицом полчищ гуннских «кентавров» или, выражаясь языком Толкина, «орков».

Об этом знаменательном событии, произведшем, видимо, сигнальный эффект и вызвавшем «цепную реакцию» страха, ужаса, смертельной паники, передававшейся от племени к племени, от народа к народу, от города к городу, на удивление скупко сообщают два древних источника. «Гетика» упоминавшегося выше Иордана и «Деяния» нашего старого знакомого греко-римлянина Аммиана Марцеллина. Самым надежным источником представляется в данном случае Аммиан. Вне всякого сомнения, сам сражавшийся с гуннскими «орками», входящий в высшие штабные римские командные инстанции и наверняка имевший доступ к соответствующей информации. Да к тому же бывший современником Германариха (которого именует «Эрменрихом») – в отличие, например, от жившего много позднее Иордана:

«И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами (грейтунгами, то есть остроготами – В.А.) и обычно называются танаитами (по реке Танаис, т.е. Дон – В.А.), произвели у них (аланов – В.А.) страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они (гунны – В.А.) смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. Пораженный силой этой внезапной бури (гунно-аланского нашествия – В.А.), Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор (другой вариант: «устоять перед натиском объединенных гуннов и аланов» – В.А.) и отбиться от них, но так как **молва все более усиливала ужас надвинувшихся бедствий** (выделено нами – вот он, всеобщий панический страх перед гуннами, опережающий появление «степных кентавров-инопланетян» и парализующий волю к сопротивлению! – В.А.), то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью».

Приведенному нами выше фрагменту труда Аммиана некоторые позднейшие историки дают следующее истолкование. Угроза гуннского нашествия возникла неожиданно для Германариха. И потому была, вероятно, переоценена дряхлым готским царем. Не видя средств предотвратить угрозу, царственный старик пришел в отчаяние. Хотя, с другой стороны, согласно тому же Аммиану, «в течение долгого времени старался дать тем же гуннам «решительный отпор и отбиться от них»! Необходимо было принять решение, от которого зависела судьба его многоплеменной державы. Страх ответственности привел Германариха к душевному кризису. К некому нервному срыву. Не выдержав чудовищного стресса, готский патриарх совершил самоубийство. А фактически – «побег» от пугающей реальности. Побег туда, где никаким гунны было его не достать. Другие полагают, что царь восточных готов не просто наложил на себя руки, но добровольно принес себя в жертву. Ради победы своего войска над гуннами. Видя, что готы терпят поражение, и желая самоубийством умиловить богов. Чтобы боги, удовольствовавшись его жизнью, все-таки даровали готам победу. Подобные добровольные само-жертвоприношения случались в разное время и у разных народов. Включая древних греков и римлян. Достаточно заглянуть хотя бы в «Историю Рима от основания города» Тита Ливия и другие источники.

Но, если перечитать выдержанное в довольно-таки странном стиле сообщение Аммиана Марцеллина, может показаться, что доблестному антиохийцу самому не очень-то понятен смысл описанного им события. Посудите сами. Воинственный царь воинственных германцев, прошедший всю свою долгую, особенно по тем далеким временам (хотя и для наших современников 100 лет – возраст, согласитесь, весьма преклонный и почтенный!) жизнь, в боях и походах – неизменно славных и победоносных для него! -, вдруг не решается в последний раз, быть может, в своей долгой жизни, скрестить оружие с врагом! А ведь известно: кто-кто, а уж древние германцы не могли себе представить лучшей смерти для всякого уважающего себя не только царя, князя, герцога, но и простого воина (а воином у них считался всякий свободный мужчина, облеченный, в силу своего статуса, правом носить оружие и участвовать в военных походах!), чем славная, почетная смерть с оружием (желательно, обагренным кровью сраженного врага) в руках на поле брани. А не позорная для воина «соломенная смерть» от старости или болезни. Мало того! Даже почувствовав приближение смерти в мирное время, от той же старости или болезни, германский воин брал в руки меч, топор или копье и, воздев его к небу, умирал с именем Вотана (у северных германцев – Одина), бога воинов и мертвых, на устах.

И разве могло «трусливое», с готской и вообще с германской точки зрения, самоубийство (в отличие от представителей, других народов, с которыми воевали римляне – например, пунийцев или даков, да и самих римлян, а впоследствии – варяго-русских воинов князя Святослава и японских буси-самураев, в сходных ситуациях – нам не известны случаи, когда бы германцы кончали с собой, чтобы не попасть в плен) сравниться с гибелью в честном бою? С гибелью от вражеского оружия. Гибелью, открывавшей павшему со славой прямой путь в загробный мир. Путь к веселой и разгульной жизни в чертоге павших героев-эйнгеригов – воинов, избранных богом мертвецов и колдунов Одином-В(у)отаном. Загробной жизни, полной пиров с богатырями прежних времен, рогов с пивом-олом и медом. Полной сладостных утех с постоянно обновляющими свою девственность дочерьми Одина – божественными амазонками-валькириями. И постоянно возобновляющихся сражений друг с другом!

Чтобы лучше понять недоумение, вызванное у нашего образованного греко-римлянина содержанием того, что он сам же и написал, попытаемся суммировать то, что нам вообще известно о Германарихе. Начнем с его имени. На готском языке оно звучало, скорее всего, как «Аирманареикс». Он происходил из готского царского рода Амалов, корни которого, согласно приписанной им легендарной генеалогии, терялись во времена седой древности. Древности, в глубине которой реальная история столь тесно переплеталась с мифологией, что трудно было разобрать, где – сказка, а где – быль. Тем не менее, известно, что к роду Амалов (соперничавшему с другим знатным готским родом – Балтами, или Балтиями), кроме Германариха, принадлежало несколько наиболее выдающихся готских царей эпохи «Великого переселения народов». Например – Витимир-Винитарий, Теодорих Великий и другие.

В лице Германариха знатный род Амалов (именуемых позднее Амелунгами) правил восточными готами (остроготами, остготами, австроготами, гревтунгами, грейтунгами), как минимум, уже в десятом поколении. Кстати говоря, согласно современным данным, этноним «остготы» («остготы»), вопреки широко распространенным еще и в наши дни представлениям, вряд ли имеет какое-либо отношение к стороне света («Ост», т.е. «Восток»). Как, впрочем, и этноним «вестготы» («визиготы», «везеготы») вряд ли имеет отношение к «Западу» («Вест»). Но это так, к слову... Никому из предшественников Германариха – ни Гауту (Гапту), ни Хулмулу (Гулмулу), ни Хисарне (Гизарне), ни прочим, как бы их ни звали, не удалось объединить племена, которыми они правили, в подлинную державу. Честь этого невероятного достижения, потребовавшего приложения почти сверхчеловеческих сил (учитывая обстановку той, мягко говоря, беспокойной древней эпохи) досталась Германариху. Сначала он покориł те племена остготов и их соседей, что еще не признавали власти рода Амалов. Затем – целый ряд (прото)славянских (венетских, по Иордану, или венедских, но никак не

вендельских и не вандалских), угро-финских и даже балтийских народностей, включая эстиев (айстиев). К середине IV в. род Амалов в его лице властвовал над крупнейшей из тогдашних германских держав. Власть Германариха простиралась на земли от нынешнего Финского залива до Евксинского понта, включая большую часть европейской территории современной России и Украины. Согласно «Гетике», готский царь за годы своего долгого правления покорил следующие племена: гольтескифов (Goltescytha), тиудов (Thiudos), инаунксов (Inaunxis), васинабронков (Vasinabroncas), меренсов (Merens), морденсов (Mordens), имнискаров (Imniscaris), рогов (Rogas), тадзанов (Tadzans), атаул (Athaul), навего (Navego), бубегенов (Bubegenas), колдов (Coldas).

Попробуем истолковать эти приведенные в «Гетике» Иордана этнонимы (?):

Гольтескифы – «золотые скифы» (Golth значит по-готски: «золото») – вероятно, народы, живущие в районах золотых месторождений Урала. «Скифами», в широком смысле, как известно, все античные авторы называли жителей всех территорий, лежащих севернее Понта Евксинского и простиравшихся до Ледовитого океана, Сибири и степей Центральной Азии («восточные скифы» – азиатские саки и массагеты, «северные скифы» – аримаспы, исседоны и т.д.). Название «тиуды» (в готском и других германских языках – «народы»), видимо, относится к «гольтескифам». То, что в списке данников Германариха «гольтескифы» и «тиуды» перечисляются раздельно, как разные народы-данники, очевидно, ошибка переписчика. Изначально у Иордана было написано: «народы гольтескифов» (Goltescytha Thiudos). Мы затрудняемся «расшифровать» этноним «инаунксы», однако считаем возможным локализовать их рядом с «народом золотых скифов». Ибо перечень зависимых от Германариха народов явно составлен Иорданом по принципу соседнего проживания. «Васинаб(э)ронки», согласно результатам лингвистического анализа слова – жители равнинной страны с пышными травами, богатой водоемами и местами заболоченной, чьим тотемным зверем является медведь (бэр). По истолкованию академика Б.А. Рыбакова, «васинабронки», как и в случае «гольтескифов» – сведенные, по ошибке переписчика, в один этноним «весь» (вепсы – финское прибалтийское племя, предки нынешних вепсов и части карел) и «пермяки» (пармаэки, финно-угорская народность коми). «Меренсы» и «морденсы» – поволжские финно-угорские народности меря и мордва. К финно-угорской этнической группе принадлежат и следующие за ними в списке Иордана «имнискары» – бортники (пчеловоды), именуемые в Древней Руси «мещерой», «мещеряками». Хотя некоторые авторы – к примеру, А.Н. Азаренков, сближают мещеру-мещеряков с мадьярами-маджарами-уграми-венграми. «Роги» (Rogas) и «тадзаны» (Tadzans) – явно очередная ошибка переписчика. Как и в случае с «гольтескифами» и «тиудами», эти ошибочно написанные раздельно (да еще и некорректно) слова следует свести воедино – тогда из совершенно непонятных Rogas и Tadzans получится ясное и понятное Roastadjans, т. е. «обитатели берегов Роа». Или Ра – нынешней реки Волги, не раз менявшей в истории свои названия, одним из которых было Итиль, Эдиль, Атель или Атиль – в честь повелителя гуннов Атиллы. «Атаул» (в некоторых тюркских языках – «передовой отряд», «передовое кочевье») – вероятно, передовое кочевье какого-либо тюркского народа, ставшее, возможно, полукочевым-полуоседлым (как впоследствии – тюрки-якуты). Или же «посаженное на землю» готским царем. Так впоследствии древнерусские князья «сажали на землю» подчиненных ими тюркских кочевников – берендеев, торков, черных клобуков и проч. Согласно толкованию академика Б.А. Рыбакова, «атаул» – водюл(ы), т.е. водь, финно-угорское племя. «Колды» же – голядь (галинды, балтоязычное племя). Под «бубегенами» скрываются хорошо известные античным авторам певкины – древнее германское (скорей всего) племя. Певкины входили в восточно-германский племенной союз бастарнов и приняли, по мнению многих, участие в этногенезе славян. Определить этническую принадлежность «навегов» мы, признаться, затрудняемся. Да и вообще, дошедшую до нас от Иордана информацию о размерах державы Германариха нельзя полностью подтвердить археологически. Северная граница черняховской культуры, с которой свя-

зывают готов, в то время не доходила ни до Балтийского моря, ни до Урала. Подобно тому, как «Гетика» различает «собственные народы» царя готов Германариха и покоренные им народы Скифии и Германии, существует также разница между областью расселения готов в собственном смысле слова (т.е. культурами черняховского круга), и сферой влияния державы Германариха. Как говорится, тема еще ждет своих исследователей... Более важным представляется нечто другое.

Через 1600 лет после самоубийства готского царя другой вождь германцев – Адольф Гитлер (кстати говоря, тоже покончивший с собой, причем при аналогичных обстоятельствах), мечтавший о «тысячелетнем рейхе», провозгласил германскую державу от Прибалтики до Крыма будущим ареалом, жизненным пространством («лебенсраумом») для немецкого народа. Но того, чего Гитлеру не удалось добиться с помощью танковых клиньев и пикирующих бомбардировщиков, как ни странно, удалось добиться не имевшему ни танков, ни «штук» легендарному Германариху (правда, всего на несколько десятилетий). При этом Германарих, как уже упоминалось, дожил до 100 лет (а согласно одному из источников – «Гетике» Иордана – даже до 110; впрочем, верить этому не обязательно).

Любопытно, что товарищ И.В. Сталин сравнивал «нового Германариха» Гитлера и гитлеровцев (названных, между прочим, митрополитом Сергием Страгородским в его известном обращении к советским верующим в июне 1941 г. «безбожными готами») отнюдь не с древними готами, а, по непостижимой иронии истории – с заклятыми врагами готов – гуннами:

«Классическое определение разрушительной роли гуннов дал И.В. Сталин, сравнивший 6 ноября 1943 г. орды Атилы с гитлеровцами, которые "вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения"» (Обсуждение в Ученом Совете ИИМК книги А.Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» // «Советская археология», XVII, 1953, с. 320–326).

Игнорирование этого сталинского тезиса А.Н. Бернштамом было поставлено ему в вину критиками видного советского ученого, первым отважившегося представить нашествие гуннов на Римскую империю неким «освободительным походом». Походом, избавившим угнетенные народы Средиземноморья от гнета реакционного римского рабовладельческого строя и потому имевшим, по мнению маститого историка, ссылавшегося на классиков марксизма, прогрессивное значение. За это он был обвинен сталинистскими начетчиками в приверженности «реакционному белогвардейскому лжеучению евразийства». Странно, что современные сталинисты не ставят этого же самого игнорирования сталинского тезиса в вину современным евразийцам. Парадоксальным образом выражающим пиетет по отношению к товарищу Сталину. Который бы, встань он из могилы, их евразийство отнюдь не одобрил.

Как бы то ни было, воинственный седобородый готский старец Германарих обладал, как видно, исключительной жизненной силой. Данное обстоятельство играет немаловажную роль в объяснении самими германцами причин загадочного ухода – нет, бегства готского царя в загробный мир. В то, что он покончил с собой, устранившись от врага, естественно, не мог поверить никто, осведомленный о подвигах Германариха. Кто мог всерьез поверить, что правитель и военачальник, всю свою жизнь проведенный в войнах и только лишь благодаря этим, выигранным им, войнам, смог создать свою громадную державу, скрепленную силой его победоносного оружия, бросился на собственный меч? Не вонзив его предварительно в гуннскую или аланскую грудь? Что Германарих, мужественно и отчаянно отбивавшийся от гуннов и аланов, вдруг ни с того ни с сего прекратил им сопротивляться, внезапно вняв молве о связанных с их нашествием «ужасных бедствиях»? Хотя он, уже вступивший в вооруженную борьбу с гуннами и гуннскими союзниками, никак не мог об этих приносимых ими бедствиях не слышать?! Известие о самоубийстве Германариха стало наиболее убедительным и широко известным свидетельством страха перед гуннами и ужасающего воздействия молвы о гуннском массовом терроре на всех современников. Но именно поэтому ему отказывались верить соплеменники

самоубийцы, как и прочие германцы. Для готов смерть их величайшего царя должна была иметь иные причины.

Объяснения исторических событий народными массами, не подкрепленные надежными и убедительными доказательствами, историки называют легендами или сказаниями. Легенды и сказания так, сказать, «заполняют бреши». Ликвидируют «белые пятна истории». Удовлетворяют определенные потребности коллективной памяти народа. Но, чтобы выполнять эту задачу, они не должны быть вымышленными от начала и до конца, полностью вымышленными. В отличие от сказок. То, что призвано выполнять указанную задачу, должно звучать достоверно. И соответствовать хотя бы некоторым известным фактам.

Поэтому-то создание легенды вокруг столь выдающейся фигуры эпохи «Великого переселения народов» как царь готов Германарих (не только слышавший, но и бывший, несомненно, не только полководцем, но и свирепым тираном для своих подданных), имеет большое значение со всех точек зрения. В том числе и с точки зрения изучения отношения к гуннам народов, пострадавших от гуннского нашествия. О не описанной подробно пером историка фазе Великой гуннской войны (поскольку эта фаза пришлась на время до начала вторжения гуннов в земли римлян, где имелись историки, способные это вторжение гуннских «кентавров» подробно описать) – первом вооруженном столкновении гуннов с готами – у нас имеются лишь предельно лаконичные сообщения античных авторов. А вот в германском героическом эпосе память об этом важнейшем событии IV столетия, напротив, сохранилась. Рассмотрим свод героических сказаний о Германарихе (у Иордана в «Гетике» он именуется буквально «Герменериг»; в древнейшем из германских эпосов – англосаксонском эпосе «Ведсид» – «Эорманрик»; в древнейшей эддической песни «Речи Хамдира» – Ёрмунрекк(р)); в древнеанглийском эпосе «Беовульф» – «Эрменрек»), дошедший до нас лишь в позднейших переложениях, а также его нордическую (северогерманскую, скандинавскую, исландскую) редакцию. Согласно им, при дворе Германариха жила молодая красивая женщина по имени Сунильда (Свангильда, Свенильда, Свенельда, Сванхильда, Шванхильд, Шванхильда или Шванхильд, в разных сагах, песнях и других источниках – по-разному), происходившая из покоренного им рода (или народа) росомонов. Супруг Сунильды был чем-то вроде постоянного посланника этого (на)рода при дворе готского царя. И покорно исполнял все его приказания. Германарих часто посылал его с разными поручениями к росомонам. Ибо в отсутствие мужа красавица Сунильда оставалась без опеки при дворе готского царя. И могла невозбранно приходить в его опочивальню. Ведь Германарих обращался с женщинами не иначе, чем с покоренными им народами. Он был их повелителем, берущим все, что пожелает. Существуют даже такие редакции этого сказания и такие толкования истории о Сунильде-Сванхильде, согласно которым властный сластолюбец Германарих не пощадил даже чести собственной дочери. Поскольку она была рождена ему не законной женой, а наложницей. Сунильда (имя которой истолковывается как «дева-лебедь», «лебедка»), отличалась не только дивной красотой, но и острым умом. Или, если угодно, коварством и хитростью.

Она пользовалась своей близостью к готскому владыке, чтобы, уединяясь с ним для плотских утех, выведывать у него все, что ее интересовало. Она запоминала все, что ей удавалось подслушать из бесед царя со своими советниками. И использовала полученные столь хитроумным образом сведения на пользу своему (на)роду. На пользу росомонам, задумавшим поднять, с ее помощью, восстание против Германариха в подходящее время.

Однако восстание «вероломного племени росомонов» (по Иордану; ведь существует версия, поддерживаемая, в частности, современными российскими историками И.В. Зиньковской, Л.А. Гурченко и др., что «росомоны» – не племенное название, а термин, обозначающий придворных Германариха, в среде которых и созрел заговор против готского патриарха) было подавлено готами. Как и многие другие восстания, происходящие в обширном царстве Германариха.

Готский царь, глубоко оскорбленный не только как властитель, но и как мужчина, измыслил для коварной, вероломной, обольстительной Сунильды, жестокую, позорную, мучительную казнь. Ведь росомонка отдалась ему, как выяснилось, не по любви, а лишь с целью выпросить и обмануть его. Перед лицом всего двора красавицу раздели донага и привязали, голой, к лукам седел четырех горячих жеребцов.

Под ударами бичей кони разбежались на все четыре стороны, разорвав злосчастную Сунильду, на глазах разгневанного Германариха и всех его придворных на четыре части.

Вся эта история кажется, на первый взгляд, похожей на сказку.

Однако именно избранный готским царем для Сунильды истинно «варварский» и, прямо скажем, зверский способ казни принадлежит к числу несомненных свидетельств в пользу историчности, т.е. подлинности ядра данного сказания. Ибо автору «Гетики» Иордану, приведенную которым версию мы, дополнив ее другими редакциями саги, положили в основу нашего рассказа, никак не могло быть известно нечто, известное нам. То, что еще в эпоху франкских царей из дома Меровингов именно таким варварским, на наш взгляд, способом было принято казнить женщин. В особенности – преступниц знатного рода, вроде царицы Брунегаут (Брунгильды). От Меровингов этот вид казни переняли и их преемники из династии Каролингов. Если верить «Песни о Роланде», по приказанию императора Карла Великого был четвертью конями растерзан на части изменник Ганелон, погубивший во время отхода из Испании арьергард франкского войска во главе с доблестным графом Роландом. И даже в правление династии Бурбонов, во второй половине XVIII в., таким же мучительным способом был четвертован злосчастный Дамьен, нанесший королю Людовику XV из династии Бурбонов пустяковую, чисто символическую, ножевую ранку, чтобы обратить внимание монарха на то, что «Франция гибнет».

Следовательно, Сунильде-Сванхильд был уготован, разумеется, страшный и привлекавший всеобщее внимание, но все-таки достаточно обычный для готов способ казни. Она погибла смертью изменниц из ближайшего царского окружения. И даже из царской семьи. И орудием ее казни были кони, считавшиеся у древних германцев (как, впрочем, и у других народов индоевропейского корня) священными животными. Росомоны же решили отомстить за смерть своей соплеменницы. Казненной, согласно «Гетике», ничего не говорящей (в отличие от эпических сказаний) о любовной связи Сунильды с готским царем, за «изменнический уход ее мужа от Германариха». Пусть даже снова покоренные готами, росомоны все-таки не желали лишиться, вдобавок к свободе, еще и чести. Братья Сунильды, Сар (это же имя носил впоследствии знатный гот, враг царя вестготов Алариха) и Амми, отправились к Германариху в сопровождении третьего росомона. Видимо, мужа четвертованной, с помощью лошадей, злополучной Сунильды. По пути вдовец, вероятно, проболтался своим шурьям, что не только знал о том, что Сунильда изменяла ему с Германарихом, но, возможно, и сам побудил жену к этому. Разъяренные братья убили вдовца. Во-первых, потому, что он обесчестил себя и их. А во-вторых, вероятно, еще и потому, что от этого изменника можно было ожидать новой измены.

Прибыв ко двору, мстители то ли затаились в засаде, то ли приблизились к Германариху под видом посланцев. В разных редакциях сказания эта история излагается по-разному. Получав возможность добраться до готского царя, они тяжело ранили его спрятанным под одеждой оружием. Если верить «Гетике» – «вонзив ему в бок меч». Изувеченный царственный старец (согласно версии Иордана, ему, как мы помним, на момент покушения исполнилось уже 110 лет), хотя и не был убит, тяжело страдал от раны. Осознав свою неспособность возглавить, вооруженным и верхом на боевом коне, выступление своего народа-войска на бой с надвигающимися гуннами, он покончил с собой. Не из страха. А чтобы освободить место для нового, полного сил, царя. Молодого и отважного военачальника из рода Амалов.

Разумеется, со времен «отца истории» Геродота Галикарнасского, было написано множество историй и легенд, сказаний и воинских повестей, саг и былин. Занимательных, фанта-

стических, пестрых по содержанию, но все-таки недостоверных и, прямо скажем, вымышленных. Однако история о тяжелом ранении царя Германариха накануне битвы готов с гуннами представляется нам вполне достоверной.

Вне зависимости от того, связана ли она напрямую с его любовью к обольстительной Сунильде. Или же с иными обстоятельствами. Отчего бы не найтись убийцам, готовым покуситься на жизнь старого и могущественного царя? Да еще и тирана, угнетающего множество покоренных народов? Подобная версия разыгравшейся трагедии, с точки зрения ее авторов и сторонников, объяснило бы нечто необъяснимое, с точки зрения нормального германского воина эпохи «Великого переселения народов». Трусливое, на первый взгляд, бегство в мир иной воинственного Германариха стало бы, в свете этой версии, в глазах современников (и потомков) мудрым политическим решением. А масштабы страха перед гуннами были бы приуменьшены. Приуменьшены с мифических размеров до таких, которые могли бы впечатлить и даже напугать отдельные народы, простых граждан, священнослужителей, ученых, но уж никак не столь могущественного царя, испытанного в множестве сражений...

Герман Шрайбер, известный немецкий специалист в области изучения культуры и истории германцев, выдвинул тезис о глубокой древности эпоса об Эрманрихе-Германарихе. При этом он особо подчеркивал соответствие его содержания идеалам германских народов:

«Нашему взору предстают великая держава Эрманриха и неудачная попытка восстания поработенного племени. Удары братьев-мстителей поразили в Эрманрихе не только личного, но одновременно и политического врага. Этот соответствующий народным представлениям, подспудный мотив покушения мы склонны считать весьма древним. Мрачный образ великого царя готов, превалирующий во всех эпических сказаниях германцев об Эрманрихе, свидетельствует о его восприятии другими германскими племенами той эпохи, в которую они были подчинены верховной власти готов, как политического врага. Этот образ создан явно не самими готами».

4. По молитвам Василиссы

В годы Второй мировой войны опьяненные своими первоначальными успехами подданные гитлеровского «Тысячелетнего рейха» стали свидетелями того, как рухнул германский Восточный фронт. Фронт, простиравшийся от Финляндии до Черного моря. Невзирая на все ухищрения изошренной и, надо признать, весьма эффективной (фактически, до самого конца войны) геббельсовской пропаганды, этот фронт не мог не рухнуть. В 1942–1943 гг. он начал рушиться, чтобы окончательно развалиться в 1944 г., под мощными ударами советской Красной Армии. Но, даже если представить себе – хоть история и не знает сослагательного наклонения! – что немцы смогли бы удержать тогда Восточный фронт, он все равно неминуемо рухнул бы пятью или шестью годами позже. Рухнул бы даже без активных наступательных действий советских войск. Просто в силу своей чрезмерной для немцев протяженности, неблагоприятных для них условий местности («в России нет дорог, есть только направления») и климатических условий («генерал Грязь» и «генерал Мороз»). Как говорится, «что русскому здорово, то немцу смерть!»...

А между тем – при всей условности, возможно, некорректности или даже недопустимости подобного сравнения с точки зрения реальной истории! – царь готов Германарих как-то ухитрился, со своими несравненно слабейшими (во всех отношениях) силами, чем силы германского вермахта и армий стран – союзниц гитлеровского «Тысячелетнего рейха», на протяжении почти столетия удерживать именно этот «Восточный фронт», простиравшийся «от Финляндии до Черного моря» (как пелось в известной немецкой солдатской песне тех времен)! Разумеется, удерживаемый властителем позднеантичных готы «фронт», рухнувший, в конце концов, под гуннским натиском, был не сплошным, как фронт, удерживаемый германскими войсками Гитлера (менее трех лет) через 1600 лет после падения державы готского царя. «Фронт», удерживаемый в IV в. Германарихом, опиравшимся на покоренные им народности, представлял собой скорее отдельные опорные пункты, островки готского владычества в море (или, если угодно, болоте) разноразличных иноплеменников (тоже, кстати говоря, не слишком многочисленных). Тем более, что покоренные им племена, похоже, то и дело восставали (как, к примеру, росомоны; с упомянутой выше гипотезой некоторых историков и филологов, что росомоны были не племенем, а свитой готского царя, мы здесь полемизировать не будем). Локализация покоренных Германарихом, согласно Иордану, северных народов приводит нас в области, расположенные в 2000 и более км от основной области расселения готы на территории нынешней Южной Украины.

Размеры подвластной готскому царю территории оказываются слишком обширными, чтобы не заставить многих историков (например, того же академика Рыбакова) усомниться в их достоверности. Тем не менее, ничто не мешает нам признать, что готы предприняли попытку покорить и удержать ее. В пользу нашей версии говорят следующие факты.

Подконтрольная готам Германариха область Нижней Оки простиралась вплоть до Волги (именуемой в древности, до прихода кочевых тюрков-болгар, по которым ее переименовали, «великой рекой Ра»). А затем – от излучины Волги вверх по течению Камы и далее за притоки Камы – реки Чусовую и Белую – до золотоносных Уральских (в древности – Рифейских, или Рипейских) гор. Благодаря своим месторождениям драгоценных металлов (прежде всего – залежам серебра) и высоко ценившихся в Древнем и Античном мире самоцветов (яшмы, малахита, изумрудов и др.) данные земли с незапамятных времен привлекали торговцев, совершавших ради наживы столь дальние путешествия. Не менее ценными предметами вывоза из этих отдаленных от античной Ойкумены-Экумены областей были продукты бортничества (пчеловодства) – мед и воск, а также пушнина. Весьма вероятно, что высылаемые готами военные экспедиции были направлены на захват в готские руки этой торговли и использования ее для

собственного обогащения. Данная цель вполне могла быть готами достигнута. Судя по сохранившимся памятникам черняховской культуры, готы – сильнейший, по общему мнению римлян, эллинов и варваров, из германских племенных союзов – обладали всеми военными и интеллектуальными возможностями для распространения своей власти на столь обширные территории и удержания их в зависимости от себя. При этом, разумеется, не стоит – повторим это еще раз! – подходить в державе Германариха с современными мерками. Скорее следует говорить о готском протекторате – в частности, в Прикамье. После того, как повелитель готов поставил в зависимость от себя народы Севера, он покорил германское племя герулов (эрулов, элулов) в низовьях Танаиса.

Когда же Германарих, наконец, состарился и одряхлел, достигнув, может быть, и не 110-летнего возраста, но, тем не менее, лишившись прежней силы и решимости, пробудился вдруг спящий степной исполин. И гунны, много лет (более-менее) мирно кочевавшие со своими стадами на другом берегу Танаиса, внезапно обрушились на державу 100-летнего (по меньшей мере) старца.

Никаких «систем раннего оповещения» о надвигающейся угрозе в те давние времена не было, конечно, и в помине. Были только распространявшиеся, в разных случаях, с разной скоростью, слухи. Или, выражаясь языком античных поэтов – молва, «быстрокрылая Осса». В интересующем нас случае вторжения гуннов конные носители страха и ужаса оказались быстрее «быстрокрылой молвы». Быстрее слухов об их появлении. Как бы быстро эти слухи не распространялись. Молниеносно передаваясь из уст одного торговца в уста другого. Причина же этой быстроты была весьма проста – гуннов гнал вперед испытываемый ими лютый голод.

Зима 374–375 гг. п. Р.Х. выдалась на редкость суровой. Степь промерзла и не оттаивала до середины весны, пораженная т.н. «джутом» – зимней гололедицей, не позволявшей стадам скота и конским табунам кочевников доставать из-под смерзшейся ледяной корки подножный корм. Приводя к массовому падежу скота от бескормицы, к гибели молодняка от голода. Кочевники поддерживали в себе жизнь, питаясь падалью, поедая трупы павших от «джута» животных.

Эта не просто важная, но и, несомненно, главная причина гуннского нашествия была впервые приведена восточно-римским историком Зосимом (Зосимой) в его написанной по-гречески «Новой Истории» («Неа История») в шести книгах. «История» Зосима начинается эпохой римского императора Октавиана Августа и заканчивается взятием «Вечного Города» Рима на Тибре вестготами Алариха в 410 г. п. Р.Х.. Зосим объясняет, вполне в «староримском», «языческом» духе, падение великой Римской «мировой» империи, главным образом, тем, что она отвратилась от почитания прежних богов.

Зосим, живший в Новом (Втором) Риме – Константинополе, занимая высокий пост комита (комеса) и адвоката фиска в налоговом управлении Восточной Римской империи, написал свой труд, выйдя в отставку. Его сочинение, хотя и компилятивное по характеру, выгодно отличается от большинства других исторических компиляций знанием дела, меткостью суждений, подчинением материала одной философской идее – стремлению вскрыть причины упадка Римской «мировой» державы. Кстати говоря, интересен сам факт того, что Зосим – отставной налоговый, т.е. государственный чиновник, всю свою сознательную жизнь служивший верой-правдой римскому государству, давно уже слывшему официально христианским, считал одной из причин упадка этого государства именно распространение христианства. Поэтому он резко критиковал императоров-христианизаторов Константина I и Феодосия I Великих. Особенно последнего – в частности, за поселение им готов, в качестве военных союзников-«федератов», на имперских землях. Как, впрочем, и за данное августом Феодосием готам дозволение служить в римской армии. То, что видный представитель правящей элиты христианской Римской империи мог свободно об этом писать, доказывает, сколь сильны были в этой империи еще в середине V в. п. Р.Х. позиции врагов новой веры. Причем даже в высших слоях позднерим-

ского правящего класса. Что же касается нашествия гуннов как такового, то Зосим объясняет его не Божьей карой грешным римлянам, но вполне естественными, земными причинами. А именно – поразившим степи голодом, поставившим кочевников в безвыходное положение, на грань вымирания. Еще и ныне голодающие кочевые племена в странах «Третьего мира» снимаются с кочевий и идут в места, где могут найти хотя бы воду. А в период засухи даже оседлые крестьяне северо-восточной Бразилии под угрозой голодной смерти перекочевывают в другие, не столь засушливые, места. Еще в XIX в. им приходилось вести кровопролитную борьбу за землю и за воду с местными жителями, к которым природа и климат оказались щедрее, чем к ним. О современных же нашествиях голодных мигрантов с «Юга» в более благополучные в материальном плане страны «Севера» мы и говорить не будем – тут и так все ясно...

В общем, гуннам не оставалось иного выбора. Промедление было действительно смерти подобно. Как сказано в «Гетике» Иордана (правда, не о гуннах, а об обманутых, в очередной раз, римлянами и поставленных на грань голодной смерти алчными римскими провиантскими чиновниками готах, оказавшихся в аналогичной ситуации): «Эти храбрецы предпочли лучше погибнуть в сражении, чем от голода». Именно отсутствием времени на «раскачку» объясняются внезапность совершенного гуннами нападения. Как и решительный характер предпринятых ими наступательных действий. Ибо отступить им было действительно некуда. За спиной они оставляли покрытую ледяной коркой «джута», промерзлую степь, не дававшую корма их стадам и табунам. Тем охотнее гунны спешили покинуть ее ледяные просторы.

Согласно Зосиму, варвары напали на живших по другую сторону Истра «скифов». Совершенно внезапно как бы из ниоткуда появилось совершенно не известное дотоле племя, именуемое гуннами. Неизвестно, происходит ли это имя от какого-либо скифского царского рода, или же идентично этому «обезьяноподобному» и особенно воинственному народу, о котором еще Геродот говорит, что он обитает южнее Танаиса.

Возможно, эти гунны уже тогда пришли из Азии в Европу и с тех пор спокойно пребывали по ту сторону Меотийских болот. Теперь же, говорят, вследствие наносов реки Танаиса, образовался перешеек, ведущий, через те болотистые местности (нынешний Керченский полуостров – В.А.), сделав тем самым для гуннов возможным переход в Европу.

Как бы то ни было, но гунны совершили переход из Азии в Европу с лошадьми, женщинами и детьми, со всем своим движимым имуществом, и напали на живших по Истру «скифов» (так Зосим именует остготов – В.А.). Однако гунны не дали врагам привычного для тех полевого сражения. Кочевники, по утверждению Зосима, не были привычны и способны к пешему бою, ибо никогда их нога не ступала на твердую землю. Оставаясь на спинах своих лошадей, на которых они даже спали, гунны совершали на врагов искусные конные нападения. Они с неизменной ловкостью избегали наносимых «скифами» ответных ударов. При этом гунны издали, со своих фланговых позиций осыпали врагов воистину тучами стрел, учинив неслыханно кровавую бойню. Если верить Зосиму, гунны повторили это несколько раз и настолько измотали «скифов», что уцелевшие бросили населенные ими прежде земли, уступив их гуннам... Тут нельзя не вспомнить приведенный выше пассаж из «Гетики» Иордана о том, как «гунны покорили аланов, которые не уступали им в военном искусстве, но были выше по своей культуре; они измучили их в сражениях»!...

Как писал в книге «Хунну» Л.Н. Гумилев: «Соседи гуннов – аланы – имели, как юэцжи и парфяне, сарматскую тактику боя. Это были всадники в чешуйчатой или кольчужной броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к конской шее, так что в удар вкладывалась вся сила движения коня. По данному вождем сигналу отряд таких всадников бросался в атаку и легко сокрушал пехоту, вооруженную слабыми античными луками. Преимущества нового конного строя обеспечили сарматам победу над скифами, но... гунны вождя Баламира (так Гумилев именует Баламбера, о котором у нас еще пойдет речь далее – В.А.) в свою очередь одержали дважды полную победу над ними. Сарматской тактике удара гунны противопоста-

вили тактику совершенного изнурения противника. Они не принимали рукопашной схватки, но и не покидали поле боя, осыпая противника стрелами или лоя его издали арканами. При этом они не прекращали войны ни на минуту, разнося смерть на широкое пространство. Тяжеловооруженный всадник, естественно, уставал быстрее легковооруженного и, не имея возможности достать его копьем (а уж тем более – мечом – В.А.), попадал в петлю аркана».

То, что Зосим (да и не он один) именовал германцев-остроготов, так сказать, по старой памяти, не готами, а «скифами», уважаемых читателей уже, наверное, не удивляет. В этом сказывался консервативный характер мышления античных историков. Они учились проводить различия между варварами, как бы сливавшимися перед их «просвещенным» взором в некую безликую серую массу, лишь тогда, когда от умения отличать одних варваров от других, начинала зависеть их собственная жизнь. Достаточно вспомнить, что еще в XI в., да и впоследствии, восточно-римские («греческие», «византийские») историки, по традиции, именовали «скифами» тюркских кочевников-печенегов, «тавроскифами» – русских, «кельтами» – западноевропейских крестоносцев и т.д. (а себя, по старой памяти, «ромеями» – т.е., по-гречески, «римлянами»). Впрочем, в этом уподоблении германцев «ромейскими» авторами скифам не было ничего унижительного для последних. Ведь обитавшие на юге нынешних России и Украины скифы, несмотря на традиционно приписываемую им «цивилизованными» греками склонность к пьянству (главным образом, из-за привычки пить вино неразбавленным – хотя этот грешок водился и за самими «просвещенными» эллинами), считались еще у греков эпохи классической древности очень неглупыми людьми. А один из скифов – Анахарсис (по А.М. Иванову – Анахварти) – даже философом, мудрецом, критиковавшим всевозможные недостатки жизни, поведения и государственного устройства греков. Не зря в Афинах и других полисах (городах-государствах) Древней Греции полиция, следившая за соблюдением закона и порядка, набиралась именно из скифов.

Да и вообще расхожее (но от того не менее ложное) представление о скифах и скифском, как о чем-то грубом, варварском и некультурном – результат поверхностных оценок. А точнее – предрассудков. Скифское искусство, скифская утварь, скифские оружие и украшения в знаменитом «зверином» стиле, товары для оживленной греко-скифской торговли, богатые находки в скифских погребениях, курганах, убедительно свидетельствуют об одном. Оригинальное скифское искусство принадлежало к числу самых утонченных и высоких в древней Европе. А если брать в расчет также искусство саков и других «восточных» скифов – то и Азии. Ничем не уступая, скажем, древнегреческому микенскому искусству (да и не только ему). Самым наглядным подтверждением тому служат «скифское золото» и другие богатейшие находки российских и советских археологов, производивших раскопки преимущественно на территории древней европейской Скифии. В Северном Причерноморье, той самой «Руси изначальной», чьи плодородные черноземные земли были житницей древних греков. Получавших оттуда большую часть потребляемого ими хлеба (и рыбы).

Именно через эти благодатные земли, через эту область древней греко-скифской культуры, так долго ведшие (относительно) мирную жизнь гуннские скотоводы, превращенные голодом в лютых кентавров, двинулись на Запад, увлекая за собой по пути все новые орды. Под гуннским натиском остготы частью подчинились гуннам, частью отступили в горную местность южнее реки Гипаниса (современной Кубани) и в горы Тавриды (нынешнего Крыма). Там археологи, этнографы и филологи находили следы пребывания готских мигрантов (вошедших в историю под названием готов-тетракситов или крымских готов) еще много столетий спустя. Именно на основании столь долгого пребывания готов в Крыму считавший себя их преемником «безбожный гот», по выражению митрополита Сергия Страгородского, Адольф Гитлер намеревался присоединить Крым, заселенный германцами, к своему «Третьему рейху». Назвав его не как-нибудь, а «рейхсгау (имперская область) Готенланд (буквально: Готская земля)». Но не все готы покорились гуннам или бежали от них. Часть остготов, отказавшись искать

спасения от степных «кентавров» в бегстве, даже после смерти Германариха, продолжала оказывать гуннам упорное вооруженное сопротивление. Эти готы дрались с гуннами под предводительством воеводы по имени Винитарий (или Витимир), избранного царем, согласно Аммиану Марцеллину, в 375 г. Витимир, сражался, по Аммиану, и с аланами, и получил прозвище «Винитарий», буквально – «Победитель венедов (венетов, т.е. славян)». Это прозвище, упоминаемое уже Кассиодором, преемник Германариха получил, по мнению австрийского историка Гервига Вольфрама, за свою победу над венетами. Витимир, хотя и принадлежал к роду Ама-лов, но не был сыном Германариха. Если, конечно, верить родословной Ама-лов, приведенной Иорданом. Но ведь иной родословной у нас не имеется. В «Гетике» Иордана, прославляющего доблесть Винитария, имя «Витимир» отсутствует,

Как бы то ни было, вооруженные столкновения готов с гуннами носили непривычный по своей жестокости и крайней беспощадности характер. Непривычный даже для «повитых под шлемами и вскормленных с конца копья» готов, считавшихся самым воинственным из всех народов германского корня. Ведь у готов даже женщины сражались наравне с мужчинами, как амазонки. Согласно римскому историку Флавию Вописку, в триумфальном шествии римского императора Аврелиана: «Вели и десять женщин, которые сражались в мужской одежде среди готов и были взяты в плен, тогда как много других женщин (готских воительниц – В.А.) было убито...» (Жизнеописание августов, XXVI). Но гунны вели себя совершенно иначе, чем прежние противники готов, к манере поведения которых лихие германцы успели привыкнуть. Так, гунны, например, на первых порах вообще не брали пленных. А ведь за военнопленных, особенно знатных, можно было получить выкуп. Пленных можно было обратить в своих рабов. Или продать их в рабство «на сторону». Хотя бы тем же римлянам и грекам. Гунны не щадили даже женщин и детей, ведя борьбу на уничтожение. Борьбу, беспощадный характер которой пугал готов тем более, что откровенно геноцидальные методы гуннов не поддавались, с готской точки зрения, разумному объяснению.

Откуда было готам знать, что гунны бились с ними на вечно голодный желудок? Ведя не просто борьбу за добычу, новые угодья, пастбища, но смертный и бескомпромиссный бой «по Дарвину». Борьбу за выживание. Ведь гуннам было совершенно безразлично, пасть ли в бою от вражеских мечей, копий и стрел, или без боя издохнуть от голода. При том, что голодная смерть гораздо мучительней быстрой смерти на поле боя, почетной для всякого честного воина! Вооруженная борьба – не на жизнь, а на смерть! – давала гуннам, по крайней мере, шанс на выживание и на завоевание земель, которые опытный глаз кочевника сразу же оценил как не только пригодные для жизни, но и поистине благодатные.

В дни военной страды той далекой эпохи цари и вожди пребывали всегда в гуще схватки. «Впереди, на лихом коне». В самом опасном месте кровавой сечи. Да и могло ли быть иначе? Современное немецкое слово «фюрст» («князь», «государь». «монарх»), происходит от древнегерманского «фуристо», т.е. «первый (в воинском строю)». И означает, соответственно, «передовой боец»! Как, кстати, и латинское слово «принцепс» (от которого происходит слово «принц») – один из титулов римских императоров. Ведь «принцепсами», или «принципами», изначально назывались воины первой шеренги древнеримского легиона, передовые бойцы. А слово «герцог», аналогичное латинскому «дукс» – «вождь», предводитель (войска)» – происходит от древнегерманского «герицого», что означает: «выступающий впереди (во главе) войска». Опять-таки – передовой боец!..

Отдавать приказы и доводить их до исполнителей можно было лишь в пределах видимости. Если царь был впереди, в первых рядах, все шло хорошо. Если он пропадал из виду – значит, его необходимо было срочно выручать из окружения. Если же царь обращался в бегство, лучше всего было тоже «вдарить плеча» – бежать с поля боя. Желательно, несколько быстрее, чем царь.

Спасаться бегством было не в духе Амала Винитария. Он предпочел вступить с гуннами в бой. И гунны, также, видимо, поставив все на карту, выставили против него своего лучшего бойца и предводителя. Именно в данной связи мы впервые узнаем имя одного из царей загадочного азиатского народа – Баламбер (у Гумилева: Баламир). Имя воинственное, громкое, звучное, как барабанный бой.

Наступательное вооружение Баламбера явно превосходило таковое отважившегося сразиться с ним готского царя. Хотя последний, возможно превосходил гуннского повелителя вооружением защитным. Мощный дальнобойный лук давал гунну большое преимущество. Выпущенные из него стрелы летели гораздо дальше, чем копья и дротики готов. Стрела царя Баламбера поразила Винитария в голову. Возможно – даже в глаз, (как норманнская стрела, сразившая англосаксонского короля Гарольда Годвинсона в битве при Гастингсе в 1066 г.). Готский царь, упав с коня, скончался на месте.

Бегство в степь от гуннской конницы означало бы верную смерть. Поэтому остготы, а вместе с ними, некоторые племена вестготов, которым явно грозила участь стать очередной жертвой гуннских кентавров, обратили свои стопы в направлении Гема, в римскую провинцию Фракию. Чтобы добраться до Фракии, готам пришлось бы перейти Данубий-Истр. Нарушив тем самым договор о мире и общей границе с римлянами. Договор, заключенный несколькими десятилетиями ранее и соблюдавшийся до тех пор обеими сторонами. Римляне, после некоторых колебаний, согласились впустить готов в пределы империи. Вероятнее всего, они догадывались, что главную угрозу для них представляют не готские беженцы, а их преследователи – гунны, уже маячившие, так сказать, за готскими спинами. Понимая, что им, римлянам, самим придется очень скоро отражать гуннское нашествие. И что тогда будет на счету каждый гот, способный носить оружие и поднять его в защиту Рима.

Гунны и впрямь не заставили себя долго ждать. Они завладели готскими землями. Эта обширная территория между Тавридой, сегодняшним Крымом, и бывшей римской провинцией Дакией, нынешней Трансильванией (частью Румынии), славящаяся своим плодородием, была способна прокормить сотни тысяч гонимых голодом кочевников. Но эти кочевники уже вкусили человеческой, вражеской крови. Захваченная у готов, не виданная дотоле гуннами в родных кочевьях, богатая добыча, пробудила в них жажду наживы. Гунны познали радости наездов на беззащитные, неукрепленные селения. Радости грабежей и поджогов. Гунны вошли во вкус, неустанно насилуя схваченных женщин и девушек, увозя их с собой, бросая или убивая их по пути, пресытившись их прелестями. Они ощутили себя повелителями мира. Они догадывались, что дальше их ждут все большая добыча, все новые города, все новые женщины. И золото, еще больше золота, жажда которого (так ужасавшая Иеронима), в них теперь пробудилась в полную силу. Вожак «кентавров» Баламбер, недолго думая, взял в жены внучку Германариха. Она была далеко не первой его женой (и, скажем в скобках, далеко не последней). Но Вадамерка была не просто гуннкой или полонянкой. Она была готской царевной из царского рода Амалов. А грубый с виду степняк Баламбер был, как говорит русская пословица, «сер-сер, да ум у него не черт съел». Он живо сообразил, что все эти бьющиеся насмерть с гуннами или бегущие от гуннов чужеземные народы схожи в одном. В приверженности своему царю и царскому роду. И что поэтому ему, повелителю гуннов, очень важно и полезно будет породниться с этими царями. Чтобы быть причисленным к их роду. Поэтому он взял знатную готскую девушку в жены. И, со скоростью степного наездника, сразу же сделал ей ребенка. Породил с ней сына, получившего готское имя Гунимунд. Имя «говорящее», «гласное», свидетельствующее о том, что отец его носителя – гунн.

В изложении Иордана, вся эта история выглядит несколько иначе. Хотя, пожалуй, даже любопытнее и интереснее. Вестготы, еще до нападения гуннов на остготов, «следуя какому-то своему намерению», отделились от них и проживали в «западных областях», в «Гесперийских странах». В то время как остготы, после смерти Германариха подчиненные власти гуннов,

«остались в той же (прежней – В.А.) стране (Скифии-Причерноморье – В.А.)». Однако Амал Винитарий «удержал все знаки своего господствования» и, освобождаясь из-под власти гуннов, двинул войско в пределы антов (отождествляемых многими авторами со славянами или, по крайней мере, с праславянами – В.А.). Но в первом сражении был антами побежден. В дальнейшем Винитарий (происхождение которого «Гетика» возводит, через его отца Валараванса, к родному брату Германариха – Вульт(в)ульф, приходившемуся таким образом дедом Винитария), «действуя решительнее, для устрашения», распял царя антов Божа (или Буса, упоминаемого в древнерусском «Слове о полку Игореве» – В.А.) с сыновьями и с 70 старейшинами. Царь гуннов Баламбер, не стерпев этого (видимо, анты к описываемому времени были полностью подчинены гуннскому владыке или, во всяком случае, зависели от племенного союза, возглавляемого гуннами), призвав на помощь Гезимунда (внука Германариха), сына великого Гунимунда (сына Германариха), повел войска на Винитария. Иными словами, гуннский царь выступил при поддержке одних готов против других готов. Баламбер дал войску Винитария три сражения, в которых Винитарий бился не только с гуннами и, надо думать, аланами, но и со своими ближайшими готскими родственниками. В первых двух сражениях победил Винитарий. Но в третьей битве Баламбер, «подкравшись к реке Эрак» (?), собственноручно пущенной стрелой смертельно ранил Винитария в голову. И, взяв себе в жены племянницу убитого им Винитария – Вадамерку, стал властвовать над полностью покоренным теперь «видимыми бесами» племенем готов.

Правда, из версии событий, изложенной в «Гетике», не ясно, почему сына Германариха тоже звали Гунимундом. Ведь Германарих-то был не гунном, а готом, и гуннских жен у него, насколько нам известно, не было. Да и не успел бы он, даже при самых благоприятных обстоятельствах, зачать с гуннкой сына и вырастить его. К тому же известен другой Гунимунд – царь германцев-гепидов, разгромленный германцами-лангобардами царя Альбоина, также не имевший, вроде бы, гуннских корней. Впрочем, довольно об этом «белом пятне истории»...

Гунны продолжали свои грабительские рейды, предаваясь, в свое удовольствие, конным скачкам (иногда с препятствиями), стрельбе из лука (иногда по неподвижным, а чаще – по движущимся мишеням) и прочим «радостям Марса, Вакха и Венеры», как выражались в таких случаях римские язычники. На очереди оказались Сирия и Палестина, с их древними городами – очагами античной культуры – и богатыми купцами. Но, ограбив до нитки эти богатейшие римские провинции, гунны в них не осели. Теперь вместе с ними участвовало в «конных рейдах по вражеским тылам» – «стремя в стремя» так сказать!(о том, имелись ли у гуннов стремена, до сих пор ведутся оживленные дискуссии в среде историков и археологов) – немало воинов из готских родов. Предпочитавших совершать набеги под началом Гунимунда (как-никак, наполовину гота, а, значит, не столько гунна, сколько «своего»!), а не влечить тяжкое бремя рабства или лежать и гнить в сырой земле.

Теперь, вырвавшись на оперативный простор, гунны, сжавшиеся на спинах своих длинноногрых малорослых «бурушек-косматушек», словно готовые к прыжку хищные звери, носились по римской Европе, словно по родным степям. Кровавый путь «демонского отродья» отмечали при свете дня – клубы черного дыма, а во тьме ночи – багровые отсветы пламени от градов и весей, сожженных «степными кентаврами», гнавшими за перегруженными награбленным добром обозами, словно скотину, толпы беспомощных пленников. Избитых и израненных, отчаявшихся ждать подмоги или выручки от – якобы! – «всегда победоносных» римских войск. Больше всего гуннам, беспощадно добивавшим упавших от усталости, измученных невольников, приглянулась провинция Паннония – равнина севернее Истра. Приглянувшись впоследствии, в аналогичных обстоятельствах, и другим воинственным кочевникам – венграм-мадярам, (возводившим, кстати говоря, свое происхождение к гуннам). Тамашний ландшафт несколько походил на ландшафт между Евксинским понтом и рекою Танаисом.

Очень скоро «видимые бесы» обратили бег своих степных коней на казавшуюся им более слабой, доступной и богатой из тогдашних двух Римских империй – Восточную. Названную итальянскими гуманистами в эпоху Возрождения «Византийской» (по исконному названию Константинополя – Византий), но никогда на протяжении всего своего существования, прерванного лишь в 1453 г. турками-османами, официально так не называвшуюся. «Конные дьяволы» вторглись в восточно-римскую Фракию (нынешнюю южную Болгарию), с направлением главного удара на Геллеспонт (ныне – пролив Дарданеллы). Их главной целью был захват «царственного града» Константинополя, Царьграда, Второго Рима, Нового Рима, на Босфоре, в паре с Дарданеллами, соединяющем Черное море с Эгейским.

Первого гуннского царя, начавшего войну с Восточным Римом, но не стяжавшего победных лавров в условиях гористых театра военных действий, звали Улдин (Ульдин, Ульдис). А второго – Ругила (Руа, Руас, Роас, Руга, Рух, Роиль). На тот момент ворвавшиеся из степей в цивилизованную Ойкумену «видимые бесы» представлялись хронистам Восточного Рима уже не такими неведомыми и непонятными, как в 400 г. Христианской эры. С гуннами теперь вели переговоры о размере дани, которую они требовали от Константинополя-Царьграда. Производили с ними обмен пленными и заложниками. Договаривались о возможностях военного и политического сотрудничества. Ругила был сильнее, умнее и дальновиднее Ульдина. Последний согласился служить за золото Второму Риму, разбил мятежного восточно-римского военачальника (готского происхождения) Гайну, соратника последнего воссоединителя Римской мировой державы (перед смертью снова поделившего ее надвое между сыновьями) императора Феодосия I Великого, и отослал отрубленную и засоленную голову неудачливого гота Гайны императору римского Востока Аркадию в Константинополь. Затем Ульдин перешел со своими «кентаврами» на службу Первому, Ветхому, Риму на Тибре и разгромил в 406 г., на пару с западно-римским полководцем вандалского, т.е. германского, происхождения Флавием Стилихоном, языческие готы-вандалы-ал(л) еман(н)ские полчища Радагайса, вторгшиеся в Италию и шедшие на Первый Рим. В-общем, сослужил римлянам неплохую службу, как многие «полезные варвары» до и после него. Таков был достаточно бесхитростный Ульдин. Руа же оказался не столь прост.

В 430 г. Ругила заключил с Флавием Аэцием, как полномочным представителем Западной Римской империи, договор о дружбе и военной помощи (направленный, в том числе, и против Восточной Римской империи). По условиям этого договора западные римляне уступили гуннам пришедшую тем по вкусу провинцию Паннонию Приму (Первую). Следует заметить, что Аэций еще в 425 г., по приказу западно-римского императора-узурпатора Иоанна, нанял у Ругилы отряд гуннских «кентавров» для борьбы с высадившимися в Италии с враждебными намерениями войсками восточно-римского императора Феодосия II Флавия (о котором еще пойдет речь далее). А еще в 409 г. гуннские конники на службе западно-римского императора Гонория, сына Феодосия I Великого, так серьезно потрепали вестготское войско Атаульфа в битве под Пизой, что Гонорий нанял целых 10 000 (!) гуннских конников для противодействия другому романизированному готскому завоевателю, опустошавшему Италию – свояку Атаульфа, Алариху из того же знатного вестготского рода Балтов, или Балтиев. Побуждаемому к агрессии против Западного Рима, как это ни печально констатировать, восточно-римским, константинопольским двором. Это не помешало удостоенному высокого римского военного чина Алариху (в чьем войске, кроме готов, служили также аланы и гунны, сражавшиеся, т.о., против своих-же соплеменников – аланов и гуннов, служивших верой-правдой в западно-римской армии Гонория) овладеть через год «царственным городом» на Тибре. Но не потому, что готы, аланы и гунны, служившие под римскими орлами и драконами – драконоголовыми боевыми значками, перенятыми римлянами от сарматов – императора Запада, плохо дрались с готами, аланами и гуннами Алариха, пришедшими в Италию с римского Востока. А потому,

что, по наиболее распространенной версии, римские рабы (или агенты константинопольского двора) впустили воинов Алариха в «Вечный Город», тайно открыв им ночью ворота.

Как бы то ни было, гуннский царь Ругила по достоинству оценил значение Паннонии, уступленной ему западными римлянами, как идеального плацдарма для наступательных действий в юго-восточном, юго-западном и западном направлениях. Но там, где он начал боевые действия – на богатом римском Юго-Востоке с притягивавшей гуннского царя, как магнит, роскошной императорской столицей Константинополем, военная фортуна не улыбнулась и ему.

Начав войну против нескольких племен и народностей, обитавших на Истре и пребывавших под римской защитой, Ругила направил послом к восточным римлянам своего представителя по имени Эсла (вариант: Исла). Этот Эсла обычно успешно улаживал споры между римлянами и гуннами. Теперь же ему было поручено передать римлянам угрозу Ругилы, что тот не будет придерживаться условий заключенного мирного договора, если «ромей» не выдадут ему перебежавших к ним беглецов. Тогда обеспокоенные римляне решили направить к Ругиле посольство.

Дело было в 425 или 426 г. п. Р.Х. Римляне уже тогда всюю использовали вполне современную «дипломатию умиротворения». Жаль, что мы так мало знаем сегодня об Эсле. Вероятно, этот незаурядный человек имел особый подход к грозному гуннскому владыке. Видимо, он сумел настолько войти к нему в доверие, что даже имел от Ругилы полномочия передавать римлянам его предостережения, указания и угрозы. Интересный был, наверно, человек, недюжинного ума и завидной ловкости...

Но даже самые изощренные дипломаты порой попадают в ситуации, в которых не имеют ни малейших шансов на успех. Миссия Эслы оказалась, очевидно, не такой успешной, как ожидалось. Римляне выдали гуннам не всех перебежчиков. Причем процесс выдачи даже этих немногих затянулся. Да и кто будет охотно выдавать врагу тех, кому предоставил убежище? Особенно, хорошо зная участь возвращенных перебежчиков в любой стране мира. Аналогичная ситуация с перебежчиками, кстати, сложилась в свое время у предков гуннов Ругилы в отношениях с Китаем. Короче говоря, Ругила выступил в поход на Новый Рим, не слушая советов рассудительного Эслы. Поскольку Эсла не сумел помочь на этот раз Второму Риму, пришлось вмешаться самому Богу-Отцу.

Упомянутый выше восточно-римский император-автократор (т.е. самодержец) Феодосий II Младший был прозван за красивый почерк «Каллиграфом» и причислен впоследствии к лику святых. Сын первого восточно-римского императора Аркадия и внук последнего правителя объединенной Римской империи Феодосия I Великого, «Каллиграф» был образованным, культурным, просвещенным человеком, на дух не выносившим язычников. Он даже повелел сжечь в 426 г. языческое святилище Зевса в Олимпии, торчавшее там надгробным памятником Олимпийским играм (запрещенным еще дедом Феодосия в 391 г. вследствие сугубо языческого характера этих игр, напоминавших вдобавок эллинам о временах греческой свободы и независимости – в т.ч. от римской власти). Но «Каллиграф» явно не относился к числу сильных личностей на константинопольском престоле. Сначала за слабого василевса правил его префект претория, т.е. премьер-министр, Анфимий (распорядившийся, ввиду обострившейся внешней угрозы, обнести Второй Рим новыми, мощными стенами, частично сохранившимися, под названием «стен Феодосия», до сих пор), затем – сестра автократора, Пульхерия, и, наконец, его супруга – красавица Элия Евдок(с)ия, дочь римского полководца германского (а именно – франкского) происхождения Флавия Бавтона. Эта Евдокия, женщина острого ума, полностью отдавала себе отчет в том, что у ее благоверного Феодосия крайне мало шансов на победу над Ругилой. Поэтому императрица (по-латыни), или василисса (говоря по-гречески) поверглась в сокрушении к стопам Всевышнего, истово воссылая к Нему слезные мольбы о спасении вверенной ей (и ее венценосному супругу) христианской империи. И молитва василиссы не осталась неслышанной.

Когда Ругила, повелитель «скифских» полчищ, перейдя, во главе многочисленного войска жаждущих крови и добычи яростных кочевников, Данубий-Истр, стал грабить и опустошать римскую Фракию, возникла непосредственная угроза метрополии восточной половины Римской «мировой» империи – Константинополю. Судя по всему, царь «видимых бесов» намеревался с налета захватить и разграбить «царственный город» на Босфоре. Но, прежде чем свирепый варвар смог осуществить свое намерение, христианский Бог обрушил на не верующих в Него гуннов с неба гром и молнию, сразившие Ругилу и уничтожившие гуннское войско. Гуннская угроза была отведена от Рима на Босфоре не силой земного оружия, но Божией грозой.

Так, во всяком случае, утверждают восточно-римские авторы «Церковной истории» Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит Кирский. Разумеется, не обязательно воспринимать их слова буквально. Но, с учетом немалой склонности гуннов к суевериям и вере во всяческие небесные знамения (характерной, кстати говоря, и для многих других кочевых народов – вплоть до монголо-татар Чингисхана), вполне можно допустить, скажем, следующее. Сильная гроза и абсолютно не исключенный удар молнии в шатер Ругилы, либо какое-то иное дурное предзнаменование, напугавшее гуннов, побудило их отступить или даже рассеяться в паническом бегстве. Иные историки утверждают, что гуннское войско было уничтожено внезапно поразившей степняков чумой (как выражались тогда – «морovým поветрием» или «моровой язвой»). Как бы то ни было, погиб ли царь гуннов Ругила-Роас «от поражения молнией» или от других причин, но он переселился в мир иной в 434 г., так и не взяв Второго Рима на Босфоре. Вскоре после смерти Роаса исчезли со страниц летописей и какие-либо упоминания о братьях гуннского царя. Как об Октаре (погибшем, согласно некоторым источникам, в 436 г. во время похода на германцев-бургундов), так и о Мундзуке (Мундиухе). Однако же племянник очень вовремя пришибленного громом (?) Роаса-Ругилы, сын гуннского князя Мундзука, не только остался в живых, но в скором времени заставил говорить о себе и в очередной раз содрогнуться всю тогдашнюю Ойкумену. Племянника звали Аттіла.

II. Часть Вторая.

Откуда же они пришли, никто не знал

1. «Омерзительное потомство»

Только занявшись вплотную изучением вопросов, связанных с происхождением этнонима «гунны» и самих гуннов, автор этой книги начал понимать, почему десятки высокоодаренных ученых посвятили целую жизнь, полную напряженной работы, разрешению данной проблемы, и почему она, тем не менее, до сих пор не решена.

Гунны – народ, возможно, самый известный в мире, благодаря сыгранной ими всемирно-исторической роли (вряд ли найдется на Земле человек, не слышавший о гуннах когда-либо в какой-либо связи!) -, при ближайшем рассмотрении оказываются самым неизвестным из народов. Поскольку, судя по всему, сами «видимые бесы» вряд ли знали, кем они были, на чьем языке говорили, по каким обычаям погребали своих мертвецов. И уж тем более – откуда они пришли и куда вершили свой путь. Даже отдельно взятый гунн, вследствие склонности своей матери к перемещению с места на место, не знал, где он впервые узрел свет этого мира. А у произведенных им на свет детей не было шансов разыскать могилу своего отца. Даже появившись у них подобное желание...

Начав наше литературное расследование с рассмотрения письменных свидетельств, мы будем, как, наверное, и все до нас, заинтригованы историей происхождения и появления в Европе гуннов (уже вкратце упоминавшейся нами выше). Историей, рассказанной современникам и потомству уже знакомым нам, получившим римское образование, готским (а если быть точнее – гото-аланским, ибо отцом его, возможно, был алан, а матерью – готка) историком Иорданом в «Гетике». Обратимся же к этой истории еще раз, рассмотрев ее в более развернутом варианте. С учетом разных вариантов перевода. И несколько подробнее. История эта сводится к следующему.

Царь готов Филимер, «сын великого Гадариха, после выхода с острова Скандзы, пятым по порядку держа власть над гетами» (т.е. пятый по счету правитель готов после их переправы со Скандинавского полуострова на европейский материк), вступил со своим народом в скифские (в данном случае – аланские) земли. «Там он обнаружил среди своего племени (вариант: среди «этого», т. е. «скифского», племени; вообще-то готский царь должен был знать, так сказать, «по должности», что творится в его собственном племени, и до переселения в скифские земли – В.А.) несколько женщин-колдуний, которых он сам на своем родном языке (лат. *patrio sermone*) называл алиарунами (*haljarunae*). Сочтя их подозрительными и опасаясь, что они могут причинить вред ему и его людям, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, узрели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то омерзительное потомство (вариант: свирепейшее племя – В.А.), которое жило сначала среди болот, – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи» («Гетика»). Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к границам готов. Возникший таким образом свирепый гуннский род, как сообщает историк Приск, расселившись на дальнем берегу Меотийского озера, не зная никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен и народов коварством и грабежами. Охотники гуннского племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Меотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень (в другом, упомянутом в начале

нашей книги, варианте: лань), вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Меотийское озеро (Азовское море – В.А.), которое до сих пор считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень (лань) исчез(ла).

Самым любопытным в приведенной в нашем пересказе части написанной на латыни «Гетики» представляется, несомненно, употребленное Иорданом в латинском тексте своего сочинения готское слово «алиаруна» (вариант: «галиурунна») – «колдунья», «ведунья», «кудесница», «ведьма», «волшебница». Со временем превратившееся в немецком языке в «альрауну» и игравшее столь важную роль в мире сказок и фантазий германоязычного мира. Начиная с императора-окультиста Рудольфа II Габсбурга и кончая Гансом Гейнцем Эверсом – автором нашумевшего романа «Альраун», послужившего основой для не менее нашумевшей одноименной экранизации.

Разумеется, можно по-разному относиться к Иордану. По-разному оценивать ценность и достоверность сведений, приводимых в его «Гетике». Вот, для сравнения, две оценки готского историка.

«Особое значение, придававшее высокую цену его «Истории готов» («Гетике» – В.А.), заключалось в том, что он пользовался памятниками народной поэзии и, применяя их для своих целей, не только сохранил для нас целый родник народного творчества германского племени, но показал, как важен такого рода источник для истории народа... Славу Иордану создал его первый труд («История готов»). В нем мы имеем дело с горячим патриотом-варваром, который, хотя весьма сносно владеет латинским языком, кое-как знает классиков, но презирает все римское. Он имел целью возвеличить готов...» (Н.А. Осокин).

«Иордан (как, очевидно, и Кассиодор) смешивает историю гетов, скифов и готов, свободно варьируя эти этнонимы и осуществляя их взаимную подмену: тем самым формируя искусственный псевдоисторический конструкт, основанный исключительно на мозаичном сочетании сведений Греко-римской историографии. Собственно готы появляются на страницах «Гетики» не ранее правления Валериана и Галлиена (вторая половина III в.)» (Д.С. Коньков, со ссылкой на А.С. Кристенсена).

Вероятно, самым разумным было бы найти некую «золотую середину» между этими крайними точками зрения на ценность приводимых Иорданом сведений. Тем более что сам готский историк писал: «Мы больше верим прочитанному, чем старушечьим рассказам» (т. е. не «выдумывал» и не «пересказывал выдумки невежд», а опирался на труды предшественников-историков).

Как бы то ни было, Иордан считал необходимым объяснить, почему гунны обрушились, прежде всего, на готов, подчинив их своему игу. Гунны сделали это из мести за то, что именно царь готов оскорбил и изгнал колдуний-алиорун. Как уже упоминалось выше, по мнению Иордана «сделали это, из ненависти к скифам (в данном случае – аланам – В.А.), те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение». Иными словами, лань (олень) был(а) послан(а) злыми демонами, бесами – предками гуннов, на погибель скифам (аланам, первым жертвам, а в недалеком будущем – первым союзникам гуннов).

Так гуннские охотники невольно стали разведчиками новых, вражеских земель. Узнав от них неожиданную новость, весь гуннский народ отправился через болота, чтобы завладеть обширными скифскими землями, древней житницей греков на северном берегу Евксинского понта. Т. о., по Приску и Иордану выходит, что причиной Великого переселения народов было отвращение готского царя к женщинам-ведуньям, и что гунны – собственно, говоря, не люди, а демонические выродки, порочные плоды гнусного, противоестественного сопряжения кудесниц с бесами.

Если кто-нибудь спросит нас, чего ради мы, сегодня, в XXI в., цитируем столь «ненаучные» источники, то мы ответим: просто потому, что Приск, Иордан и целый ряд других античных авторов – единственные источники наших знаний о приходе гуннов в Римский мир.

Самые уважаемые ученые современности не только цитируют Приска, Иордана и прочих, но и тщательно взвешивают каждое написанное ими слово, со всех сторон «обсасывают» каждую их фразу. Переводят ее то так, то этак (насколько велика разница между переводами и толкованиями, уважаемый читатель нашей книги уже мог убедиться!). Сравнивают разные варианты, приведенные в разных списках. Тщательно обсуждают смысловой оттенок и значение отдельных слов в той или иной связи. Естественно, античные авторы охотно пересказывают исторические анекдоты. Если бы они этого не делали, мировая литература была на много эффектных сюжетов беднее. Но не достойно серьезного историка принимать античных авторов всерьез лишь тогда, когда приводимые ими сведения поддерживают его собственную гипотезу или теорию. Игнорируя эти сведения, как «фантазии сказочников», только потому, что эти «сказочники» утверждают нечто, не укладывающееся в его собственную гипотезу или теорию. Все эти древние источники представляют собой, с исторической точки зрения, пеструю смесь реальных событий и выдумок. Они не могут – в принципе! – не содержать ошибочных сведений и неточностей. Ибо иное было бы просто невозможно, самой силой вещей. А те же устные сообщения купцов, чиновников, военных, переписчиков официальных документов и отчетов той поры и путешественников лежат в основе и являются главным источником гипотез и теорий даже самых серьезных, с современной точки зрения, и никем не обвиняемых в недостоверности, историков древности. Мы просто не можем не использовать и не учитывать их. Хотя бы потому, что не имеем иных источников. Если бы нам удалось найти хотя бы одно новое, неизвестное доселе, историческое сочинение по интересующей нас эпохе – скажем, не дошедший, к сожалению, до нас труд афинянина Дексиппа «Скифика», наши представления и знания о времени непосредственно перед гуннским вторжением, возможно, значительно изменились и обогатились бы. Но... пока что мы их, к сожалению, не нашли. Как не нашли пока и сочинение «Об океане», в котором массаиелец Пифей описал свое плавание вокруг Британии (нынешней Англии). Как не нашли и много других бесценных произведений античных ученых – историков, географов, врачей, о которых сохранились только краткие упоминания...

Мы стоим, т. о., на весьма зыбкой, шаткой, сомнительной почве не слишком надежных источников. Что вообще-то не слишком опасно, если не забывать об этом. Но что может стать опасным, если принимать все сообщаемое этими источниками за чистую монету, если оно соответствует нашим предпочтениям. И если вычитывать в сведениях, приводимых древними авторами, то, что нам хотелось бы в них вычитать. Хотя этого в них, возможно, в действительности вовсе нет.

Следовательно, не столько ненадежность имеющихся в нашем распоряжении источников, сколько стремление рассматривать их как неопровержимые, неоспоримые свидетельства, является причиной раздирающих сегодня «гуннологию» глубоких разночтений и противоречий. Противоречий, превращающих вопрос о происхождении гуннов в поле боя между исследователями разных школ и направлений.

«В любом случае, монгольское происхождение гуннов установлено» (Гомейер).

«...гунны, чьи тюркский язык и тюркская этническая принадлежность не подлежит никакому сомнению» (Альтгейм).

«Гунны, союз кочевых племен тюрко-монгольского происхождения с Востока, известный в Китае еще в последние столетия дохристианской эры» (Филип)

«До тех пор, пока специалисты не придут к единому мнению, студенту, занимающемуся эпохой поздней Римской империи, лучше всего о сюнну (одно из древнекитайских названий гуннов – В.А.) ничего не говорить» (Томпсон).

«Аттила со своим огромным войском, состоявшим из монголов и из подчиненных им германцев, вторгся в центральную Галлию...» (Гордон).

«Самым опасным внешним врагом империи Хань всегда были восточноазиатские гунны (сюнну). Все еще представляется неясным и весьма спорным вопрос, были ли они вообще, а если и были, то в какой степени, идентичны появившимся в Европе четвертого века христианской эры гуннам Аттилы. Все еще не ясно также, к какой языковой семье следует относить сюнну. Новейшие исследования, проведенные на основе сохранившихся в китайских письменных источниках гуннских слов, вопреки прежним представлениям, указывают на родство языка сюнну не с тюркскими языками, а скорее с языками сибирских народов (кетским, самоедским). Тот факт, что сюнну были кочевыми коневодами и скотоводами, не может нам помочь в вопросе их языковой идентификации. Кочевой степной способ ведения хозяйства не был привязан к какой-то определенной этнической группе... И, наконец, всем засвидетельствованным в истории Евразии степным державам был свойственен этнически-смешанный характер. Возникавшие в степи федерации включали много разных народов, подобно тому, как в свите Аттилы и в составе его гуннского войска, находились готы, бывшие, вне всякого сомнения, германцами». (Франке/Трауцеттель).

«...можно думать, что сомнение в тюркоязычии хуннов несостоятельно...» (Гумилев).

«Гуннский язык, по оценкам многих исследователей, относился к тюркской семье» (Википедия).

«Г. Рамстедт предполагал, что язык хунну (другое древнекитайское название гуннов – В.А.) отражает состояние, в котором тюркские языки еще не отделились от монгольских...» (Википедия).

«Слово «сюнну» («хунну») часто использовалось как обобщающее название северных кочевых народов после (эпохи китайских династий – В.А.) Цзинь (265–420), Вэй (220–266), Южных и Северных династий (420–589)» (Википедия).

«Монголоязычность хуннов – самая старая точка зрения на происхождение хуннов. В XVIII веке П.С. Паллас выдвинул эту теорию и в XIX веке Рушпунцаг, В. Бергман, И. Шмидт, Г.Н. Потанин, К.Ф. Нейман, Х. Хоуорс, А. Терри, Н.Я. Бичурин и др. развивали монгольскую теорию. Монгольское происхождение (гуннов-хуннов – В.А.) отстаивали А. Лувсандэндэв, Б. Ренчин, Б. Мункачи. Монгольской версии происхождения хуннов придерживается ряд современных российских историков – А.П. Окладников, Н.Н. Диков, Г.Н. Румянцев, М.В. Воробьев, Б.Б. Дашибалов и др. Сторонники этой теории поддерживают мнение, что слово «хунну» означает «хун» («человек») на монгольском языке. В 2011 году Монголия отпраздновала 2220-летний юбилей Монгольской государственности. Культуру плиточных могил относят к предкам хуннов и протомонголам. В «Книге Сун» есть сведения, что «другое имя жуанов (жуаней, жуанжуанов, отождествляемых некоторыми авторами с аварами – В.А.) есть «татар»... также называют «татар» один из аймаков (областей – В.А.) хунну». После упадка хуннского государства 100 000 семейств (более 500 000 чел.) хунну стали сяньбийцами, приняв «народное» название «сяньби», и это, возможно, указывает (на – В.А.) близкое родство этих народов. Это было большинство населения северных хуннов. Бичурин пишет: «Дом Сяньби, владевший в то время восточную Монголией, был хотя единоплеменной, но не одного происхождения с Домом Хунну». В письме Чингис-хана, которое он направил даосскому монаху Чань-чунь, содержатся слова... «во времена нашего (т. е. признаваемого тогдашними монголо-татарами своим – В.А.) шаньюя (гуннского верховного правителя – В.А.) Модэ». (Википедия).

Многочисленные культурные элементы хуннов, средневековых и современных монголов совпадают, между ними существует крепкая культурная преемственность. Например, тамга, юрта на колесах, композитный (составной – В.А.) лук, настольная игра с игровым полем, протяжная песня и т.д. У монгольских народов сохранился хуннский герб с изображением солнца

и луны (см. Флаг Монголии, Герб Монголии, Соёмбо, Флаг Бурятии, Герб Бурятии и Флаг Южной Монгольской Народной Партии)...(Википедия).

Сходство многих обычаев тюркютов и хунну отмечено историками, однако вопрос о языковой принадлежности последних пока остается открытым. Хотя распространено мнение о тюркоязычности хуннов, но его сторонники не отрицают некоторых иранских заимствований. Подробное обоснование тюркской принадлежности (хуннов – В.А.) дается в книге А.В. Дыбо «Лингвистические контакты ранних тюрков (ч. I., 2007). Некоторые ученые (Б.А. Серебренников) считают наследником хуннского языка чувашский (булгарский) язык. Прототюркский-чувашский язык является особо архаичным и содержит много слов с корнем «хун»: хунаша – тесть, хунама – теща, хунать – множиться. Вместе с тем известно, что хунны, как и булгары, были солнцепоклонниками, и во многих тюркских языках, в том числе чувашском, солище смотрит, а не светит». (Википедия).

Также выдвигались предположения об отнесения хуннского языка к иранским (близким сака) или енисейским (Пуллиблэнк). Г. Бейли, Я. Харматта и Г. Янковски исходят из сакских (восточно-скифских – В.А.) этимологий хуннских слов. Согласно Харматте, большинство хуннов говорило на одном из восточноиранских диалектов, близком к сакскому. Примеры хуннских слов:

- Совр. кит. «шаньюй», др.-кит. *tan-wa – пратюрк. *darxan (позже орхон.-тюрк. tarqan) из иранского (в согдийском trū'n, «титул»).

- Др.-кит. *yat-tə:j («жена шаньюя») – пратюрк. *xatun из согдийского *xuten.

- Др.-кит. *tonh («молоко, кумыс») – праиран. *dauy-na («молоко одного удою»)

- Др.-кит. *bjas sa («гребень») – от праиран. корня *ras- («расчёсывать»).

Кроме того, название «хунну» схоже с наименованием индоевропейских кочевников Центральной Азии «жунов» (Википедия)

Теорию о принадлежности языка хунну к енисейской семье защищали Э. Пуллиблэнк и А. Вовин (Википедия).

Г. Дёрфер считает недоказанными любые предположения о родстве языка (хуннов с каким-либо иным языком – В.А.) (Википедия).

Традиционная китайская историография пишет, что все соседние с Китаем народы произошли от китайцев и, согласно китайской традиции, хунны возникли из смешения китайских эмигрантов в степь и степных кочевых племен... Согласно китайским мифам, когда... в Китае была свергнута династия Ся, Шун Вэй, сын Цзе, последнего правителя Ся, бежал на север, и с ним бежали многие подданные. На южной окраине (пустыни – В.А.) Гоби они встретили племена сяньюнь и хуньюй и со временем смешались с ними » (Википедия).

От себя добавим к процитированной выше удивительной разноголосице (тут тебе и предки-монголы, и предки-тюрки, и предкиенисейцы, и предки-иранцы, и еще Бог знает кто!), что на родство с гуннами-хуннами (во всяком случае, с их частью – оногурами) притязают – причем, не в последнюю очередь! – венгры-мадьяры (угры-унгары-маджары). Представители финно-угорской языковой семьи, потомки древних угров, которым в латинском названии их родины – «Хунгария» и в ее современном немецком названии «Унгарн» – явственно слышится память о хуннах (по-гречески – уннах). И среди которых до сих пор огромной популярностью пользуется мужское имя Аттила. А ведь это имя носил навсегда вписавший его кровавыми буквами в анналы мировой истории и прозванный «Бичом Божиим» повелитель отчаянных гуннских «кентавров». Столь же яростных и сеющих повсюду страх, как и стремящиеся слыть гуннскими отпрысками венгры, в пору своей кочевой жизни! Кстати говоря, еще Никколо Макиавелли писал в своей «Истории Флоренции»: «Гунны (...) кочевая народность, захватили Паннонию, провинцию по ту сторону Дуная, которая, приняв имя этих гуннов, получила теперь название Хунгарии»...

Вся эта противоречивость оценок, от пестроты которых у неспециалистов прямо-таки пестрит, или рябит, в глазах, усложняется еще и следующим обстоятельством. Некоторые авторитетные ученые в ходе своих исследований изменили свою точку зрения, скажем, на вопрос происхождения гуннов от монгольских (или немонгольских) сюнну. Способность отказаться от своей прежней точки зрения, признать ее, под давлением новых установленных фактов, неверной, устаревшей, свидетельствует о научной честности и мужестве ученого, для которого не должно быть ничего выше истины. К числу таких честных и мужественных ученых принадлежал, скажем, Д.Б. Бьюри, автор фундаментальной «Истории поздней Римской империи». В ней он оценивал версию происхождения гуннов от сюнну так: «Прыжок от царства Северное Чэши (княжества предков нынешних чувашей, расположенного в Турфанском оазисе, на дне Люкчунской котловины, связанного с державой хунну-сюнну тесными экономическими, родственными и политическими узами, поставлявшего хуннам необходимые предметы ремесла и продукты земледелия и разгромленного в 103 г. до Р. Х. 20-тысячным войском китайского полководца По-ну, шедшего через Турфанский оазис походом на хуннского правителя Ушилу – В.А.) до степей России – сальто-мортале в неизвестность, и совершающий его скорее летит на крыльях фантазии, чем опирается на факты».

Чтобы достичь поставленной нами перед собой цели, мы вынуждены, по ходу нашей истории, излагать ее продолжительные периоды, как раз «летя на крыльях фантазии». Ибо, используя иные средства, продвинуться к цели не сможем. Но при этом мы не усматриваем необходимости непременно отдавать приоритет какой-либо одной из приведенных выше точек зрения, гипотез и теорий. Правда, сам Бьюри к концу жизни стал склоняться к признанию родства между гуннами и сюнну. Однако почти одновременно с этим, благодаря исследованиям другого ученого, немца Альтгейма, включившего в круг интересов гуннологии область так называемых «белых гуннов» (эфталитов, хионитов), открылось немало новых аспектов вопроса происхождения гуннов от сюнну. Они, естественно, не удовлетворяют нас, в качестве окончательного решения проблемы. Но, вне всякого сомнения, помогут нам лучше понять целый ряд черт гуннского «национального характера».

Знаменитый немецкий синолог Я.Я. М. де Гроот, составивший обширный свод источников о гуннах-хуннах-хунну-сюнну дохристианского периода, вообще не касается спорного вопроса о родстве гуннов с сюнну. Свою позицию он обосновывает достаточно иронично: автор-де старался, по возможности, дистанцироваться от упоминания и обсуждения того немногочисленного, что было то тут, то там написано о народе гуннов в упоминавших его китайских источниках. Тем самым автор позволяет заподозрить себя в слабом владении литературой по данному предмету. Однако, автору легче вынести подобное подозрение, чем угрызения совести из-за того, что он, ради так называемой немецкой основательности, способствовал продлению существования высказанных когда-то кем-то мнений, кажущихся ему вздорными, нелепыми и необоснованными. Поскольку он уверен, что многое из написанного – особенно на научные темы – должно быть не сохранено, а как можно скорее предано забвению.

Правда, это могущее показаться нам, по меньшей мере, признаком некоей странности, если не сказать, чужаковости характера, самоограничение Гроота ничуть не помешало ему разъяснить, на основе анализа принципов китайского произношения, всем читателям его свода, следующее. Народ, именуемый в китайских источниках «хунну» (в другой транскрипции: «сюнну»), в действительности назывался «хунгнур», или «хунур». Не знаю как уважаемым читателям, а автору настоящей книги сразу вспоминаются монгольская «золотая водка» его далекой юности «Алтан Гогнур», монгольские топонимы Хехнур-Кукунор и Лобнор! Китайцы, не произносящие согласный звук «р» и не имеющие в своей письменности графем (иероглифов) для его обозначения, вынуждены были писать это слово в форме «хунну». Аналогичным образом, по Гумилеву, и этноним воинственных кочевников «сирбир», «сирвир», «савир», «сивир» или «сибир» превратился, в китайской транскрипции, в «сяньби»; «савиров», кстати,

именуют иногда «желтыми гуннами». Порой же китайцы пренебрежительно называли хунну просто «ху», собирательным именем всех «варваров Севера». Ориентируя при этом все стороны света, естественно, на центр мира – Китайскую державу, «Срединное государство», «Поднебесную», традиционно отождествляя ее с обитаемым миром, «миром людей». Как греки и римляне – «свою» Ойкумену.

Первое сообщение, содержащееся в этом очень простом и доступном для чтения и понимания трехсотстраничном кладезе знаний и уносящее читателя в глубь веков, во второе тысячелетие до Р.Х., звучит следующим образом: «Хунну. Их первым родоначальником был потомок царского дома Ся по имени Шун Вэй (вариант: Чуньвэй – В.А.)».

Несмотря на свою несомненную древность, данная версия кажется гораздо менее фантастической, чем история о появлении народа гуннов вследствие массового изнасилованием колдуний злыми духами в болотах нынешнего Приазовья. Династия Ся, одна из древних китайских династий, рассматривается кое-кем как полуполегендарная, но никем – как абсолютно легендарная (насколько нам известно). Если верить старинным сказаниям, правители из династии Ся пришли к власти около 2250 и оставались у власти до 1764 (вариант: 1850) г. до Р.Х. Один из принцев династии Ся, «черная овца в домашнем стаде» императорской семьи, покинул двор и бежал к степным «северным варварам» («ханьюнь», «хуньюй», «шаньжун»). У варваров Севера он, переняв их кочевой образ жизни, во всеоружии своих обширных знаний, стал основателем, может быть, и не империи, но, во всяком случае, относительно централизованного государственного образования. В китайских комментариях даже содержатся упоминания о совершенном принцем-отщепенцем Шун Вэем преступления. Его отец, Цзе, был последним императором из династии Ся. После смерти отца принц овладел женщинами императорского гарема, после чего был отлучен от семьи. Поскольку подобный поступок считался у китайцев недопустимым и достойным всяческого осуждения (и даже проклятия). А вот у хунну овладение женами покойного отца, наоборот, стало обычным делом.

Последний отпрыск Ся и (по китайской версии) первый правитель хунну, Шун Вэй (именуемый в китайской традиции также «Хунну Шицзу», т. е. «предок хунну»), жил где-то около 1800 г. до Р.Х. В ту давнюю пору китайские иероглифы, обозначающие «хунну», были еще очень похожи на графемы, обозначающие три или четыре другие варварские народы Севера. Общим для всех этих графем был знак «хун».

Итак, пришедшая в упадок императорская династия Ся, в лице изгнанника Шун Вэя (нашедшего, согласно ряду источников, убежище у гуннов не в одиночку, а «со своим родом»), которого традиция считает прародителем позднейшей хуннской династии Люаньти, породнилась с предками позднейших гуннов – хунну. Поэтому китайцы начали интересоваться последними. Мало того! Китайцев прямо-таки вынудили к этому. Грубые варвары ху (или хун) стали систематически нападать на пограничные области китайского «Срединного государства», захватывая всякий раз богатую добычу (в первую очередь их, кстати говоря, интересовала «челядь», т. е. люди, ибо пленников и пленниц гунны обращали в рабов и рабынь) и на торговые пути. Согласно первым китайским сообщениям о хунну, те были богаты лошадьми, скотом – главным образом, овцами и быками –, владея также, но в меньшем количестве, другими домашними животными – токто (двугорбыми верблюдами? – В.А.), ослами и мулами (далее в китайском списке перечисляются три вида не поддающихся точной идентификации домашних животных). Они кочуют с места на место в поисках воды и растительности. Они не имеют городов, окруженных стенами, и постоянных мест поселений, земледелием не занимаются; тем не менее, каждый владеет участком земли. Письменности они не имеют (очень жаль! – В.А.), соглашения заключаются устно. Дети умеют ездить на баранах или овцах, натягивать лук и убивать стрелами птиц, а также крыс и ласок (вероятно, степных тарбаганов или сусликов? – В.А.). Те, кто постарше, охотятся на лис и зайцев, которые служат им пищей.

Сила воинов заключается в их умении натягивать лук. Все они – конные воины, одетые в панцири. Что касается нравов и обычаев, то в спокойные времена они кочуют со своим скотом, стреляя при этом птиц и четвероногих, и тем самым обеспечивая свое существование. Если угрожает опасность, мужчины готовятся к войне. Их природе свойственно совершать сокрушительные набеги и нападать. Их длинное (метательное – В.А.) оружие – лук и стрелы, их короткое оружие (оружие ближнего боя – В.А.) – мечи (палаши, в переводе Бичурина: сабли) и копья. Если перевес на их стороне, они рвутся вперед, если же перевес не на их стороне, отходят назад и даже не стыдятся совершать отступление, подобное бегству. Причем отступают туда, где могут занять выгодную позицию (для продолжения боя).

О жизненных правилах и обязанностях, диктуемых приличием, им ничего не известно. Как государи и принцы, так и их подданные едят мясо домашних животных и одеваются в шкуры, надевая поверх них еще и меховые куртки. Молодые мужчины едят жирную и хорошую пищу, старикам же достаются лишь объедки. Вследствие этого, высоко ценятся молодые и сильные, а старые и слабые считаются неполноценными. Если умирает отец, сыновья женятся на своих матерях (т. е. на вдовах своего умершего отца); если умирает брат, его братья овладевают женами умершего и женятся на них. Простонародье носит личные имен, но о них не умалчивают из вежливости и уважения (как в Китае – В.А.). Родовых имен (фамилий – В.А.) и вторых имен у них нет».

Второе имя китаец получал с того момента, когда брал себе жену, что гуннские кочевники считали слишком обычным, если не повседневным, делом, чтобы из-за него мужчина изменял свое имя.

Как бы то ни было, эти первые, очень ранние, сообщения, в скором времени дополненные и расширенные новыми и более обстоятельными (которые, однако, невозможно привести в настоящей книге из соображений экономии места), чрезвычайно подробны и, что еще более удивительно, в высшей степени точны и достоверны. Если сравнить сообщения о северных варварах, получаемые китайскими императорами, со сведениями о народах областей, граничивших с античным миром, изложенными на 1000 лет позже знаменитым Геродотом, «отцом истории», в его капитальном труде, нам придется признать следующее. Китайцы, вне всякого сомнения, обладали гораздо большим умением отличать реальные факты от вымысла и ставить пределы полету своей фантазии. Выражаясь современным языком, из сказанного следует, что великое азиатское «Срединное государство» сумело организовать, чтобы защитить себя от варваров и быть в состоянии своевременно отражать их грабительские нападения, первоклассную службу внешней разведки. Эта служба зорко и неусыпно следила за соседями «Небесной империи», хоть те и казались, на первый взгляд, безобидными и мирными скотоводами, кочевавшими со своими стадами и табунами по просторам Великой Степи. И регулярно, по-деловому, доносила в результатах своей эффективной работы.

То, что эти донесения сохранились и дошли до нас, и что сегодня в нашем распоряжении находятся эти бесценные источники интереснейшей информации – вообще-то говоря – счастливая случайность. Великий мудрец Кун Фуцзы (Кун-цзы, Конфуций, Кун-цю, Кун Чжунни), достойный отпрыск знатного китайского семейства, способный проследить свою родословную до 1121 г. до Р.Х., был не только философом и основателем религии, названной в честь него конфуцианством. Его очень интересовало изучение исторического образа своего народа, чьим первым реально существовавшим и наиболее выдающимся учителем ему суждено было стать. Примерно в 500 г. до Р.Х. «учитель Кун» начал собирать официальные документы, служебные бумаги, рапорта, отчеты, разведданные, сохранившиеся с прошедших времен. Составленный Конфуцием «изборник» этих древних документов, донесений и отчетов, стал ценнейшим источником знаний о раннем периоде китайской истории.

Наряду с первыми сообщениями об образе жизни гуннов-хуннов, «изборник» Кун Фуцзы содержит важные сведения о локализации мест проживания гуннов. Хотя и не может точно

установить границ степной державы хунну. Впрочем, у кочевых народов точных границ быть не может «по определению». По данным древнейших источников, территория, на которой кочевали, проживали и пасли свои стада варварские племена, объединяемые китайцами под собирательным понятием «хунну», простиралась от реки Или в так называемом Семиречье до реки Орхон в Центральной Монголии. Именно эта река чаще всего упоминается в отчетах о военных операциях китайцев против хунну. Не реже упоминается и Урга (расположенная на месте нынешней столицы Монголии – города Улан-Батор), за которую постоянно шли бои между китайцами и хунну.

2. Не стрелявшему – голову с плеч

Территория, описанная в китайских источниках как страна гуннов, чрезвычайно велика даже для кочевников. Она простирается от Сучжоу – некогда окраинной северо-западной крепости у Великой Китайской стены (со сторонниками гипотезы о недавнем происхождении этой стены мы здесь полемизировать не будем) – до современного Семипалатинска примерно на 1800, а от озера Балхаш в Семиречье до реки Орхон – почти на 3000 км. Тем не менее, вряд ли стоит сомневаться в точности данных древней китайской разведки. Потому что, хотя китайцы (как и греко-римляне – в другой части света) часто давали тем или иным варварским народам неточные, порой произвольные имена, не учитывая этнического самоназвания того или иного народа, установить, перепроверить, опознать названия населенных пунктов и рек можно без особого труда, подтвердив их с помощью дополнительных данных и сведений.

Воинственные (а точнее говоря – разбойничьи) племена кочевников Севера – варваров ху – огромной дугой охватывали территории Китайской империи, имевшие, в той или иной мере, выход на Запад. Т.е. на неприкрытый фланг «Поднебесной», лишенный естественной защиты – гор, которые бы прикрывали его от внешней агрессии, подобно другим частям «Срединного государства», имевшим каждая свой «горный щит». Долина Орхона служила как бы восточными воротами для вторжения в Китай. Еще одним удобным для вторжения через горы местом был участок между сегодняшними городами Абаканом и Кызылом. А Джунгария, благодаря особенностям своего горного рельефа, давала потенциальным завоевателям или просто алчным грабителям возможность прорваться на запад, в Китай, сразу по двум направлениям – через две широкие долины. А именно: вдоль по течению реки Иртыш, на берегах которой ныне лежит промышленный гигант Семипалатинск (Казахстан), и через Джунгарские ворота – горный проход между Джунгарским Алатау (с запада) и хребтом Барлык (с востока), соединяющий Балхаш-Алакольскую котловину с Джунгарской равниной. По этому плоскому и широкому (более 10 км шириной) коридору длиной около 50 км, между озерами Алакуль и Эби-Нур, сегодня проходит государственная граница между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой. Но и через Илийскую долину, где ныне расположен крупный промышленный центр (и недавняя столица) Казахстана – Алматы, можно было без особого труда, пройдя через не слишком высокий перевал, проникнуть на сегодняшнюю территорию внутренней Джунгарии.

Т. о., у китайской «Поднебесной» был свой, крайне беспокойный, «Дикий Запад». Запад, который китайцы, однако, именовали «(Диким) Севером». Поскольку, с точки зрения охранявших, на дальних подступах, рубежи «Небесной империи», китайских пограничных гарнизонов, враг в Китай действительно, вторгался, преимущественно, с Севера. И лишь самые высокопоставленные и наилучшим образом осведомленные китайские чиновники давно уже понимали следующее. Варвары так называемого «Севера» в действительности преграждали путь китайцам не на Север, а на Запад. Препятствуя тем самым установлению и поддержанию прямых контактов между двумя великими империями того времени – Китайской и Римской (каждая из которых самоуверенно считала себя «мировой»). То, что установить эти контакты, вопреки всему, все-таки удалось, было, воистину, чудом. А то, что китайско-римские связи поддерживались на протяжении всего нескольких десятилетий, было «заслугой» хунну, впоследствии – гуннов. Игравших, независимо от того, были ли гунны и в самом деле потомками, как утверждали китайцы, или же только преемниками хунну, в отношении к богатой «Небесной империи» ту же роль непримиримых врагов. Врагов, всегда готовых к бою и вооруженному вторжению в китайские пределы. Недругов, державших Китай в постоянном напряжении. Вынуждавших «Срединное государство» к невероятным, если не чудовищным, усилиям, направленным на оборону от нападений неутомимых и неутомимых северных кочевников.

Самым известным фортификационным сооружением, возведенным против набегов агрессивных варваров, стала упомянутая выше Великая Китайская стена. Если бы Римская империя была, накануне и перед лицом гуннского нашествия, столь же единой, как Китайская империя при Цинь Ши Хуан-ди (о котором пойдет речь далее), подчинялась лишь одному повелителю, не только называвшемуся самодержцем, но и являвшемуся автократом на деле, то, возможно, римский пограничный лимес выглядел бы совсем иначе, чем в действительности. И тогда на Востоке Европы тоже была бы обеспечена возможность отразить гуннское вторжение. И сделать невозможным (или хотя бы затруднить) вызванное гуннами «Великое переселение народов», при помощи столь же мощной и протяженной, защищенной сильными гарнизонами, оборонительной линии – Великой Римской стены...

Не без причины пример Великой Китайской стены часто приводят в качестве доказательства того, что крепостные сооружения, дескать, не обеспечивают безопасность тех, кто их построил, а лишь создают соответствующую иллюзию. В особенности, если их протяженность составляет 2500 км, требуя, тем самым, для своей обороны постоянного гарнизона размером с огромную армию, лишь наличие которого делает стены и башни эффективными. Однако пример Германии прошлого, XX в., чью столицу на протяжении десятилетий разделяла известная всему миру Берлинская стена, наглядно показывает нечто иное. Стена может быть чем-то несравненно большим, чем просто иллюзия, а именно – символом. В глазах суеверных кочевников бескрайних степей гигантское крепостное сооружение, построенное китайцами в III в. до Р.Х., была подлинной сенсацией. Хотя бы потому, что степняки вообще не знали прочных зданий, стен, домов. Стена как бы говорила кочевникам, что за нею начинается иной, враждебный им и превосходящий их во всех отношениях мир. Китай – «огороженный мир», «мир за стеной» (сравни с нашим русским «Китай-городом» – укрепленным, огражденным, окруженным стеной поселением). И наличие Великой Стены (способствовавшей, с другой стороны, развитию среди китайцев менталитета «жителей осажденной крепости») придавало в корне новый, совершенно иной, непривычный, зловещий характер войне. Т.е., в тогдашнем понимании хуннских кочевников, совершению грабительских набегов, преимущественно – на оседлых китайских землеробов, не представлявших для лихих сынов степей большой опасности. В отличие от «своего брата-кочевника», привычного с детства к оружию и постоянно готового дать отпор. Войне, ведению которой конные степные удалы предавались на родных просторах с радостной и беззаботной легкостью, относясь к ней как к «забаве молодецкой», как к одному из совершенно естественных проявлений своей простой, незатейливой жизни.

Дабы уразуметь суть этого толчка – решающего фактора, побудившего «северных варваров» к переориентации и приведший, в конце концов, к походу гуннов на Запад, следует ознакомиться с характером ландшафта. С характером той природной среды, в которой протекала жизнь тюркских или монгольских кочевых народов. Этот ландшафт не слишком изменился до сегодняшнего дня. Хотя территория, некогда занимаемая гуннскими кочевьями, ныне принадлежит частично Казахстану, частично – Монголии, частично – Китаю, правительства которых не усматривают никаких проблем в масштабных преобразованиях природной среды. Однако водохранилища, автострады, железнодорожные магистрали мало что меняют в общей картине, если речь идет о территории площадью в миллионы квадратных километров.

Вот что писал, к примеру, британский предприниматель шотландского происхождения А. Мичи о своем путешествии через Монголию в своей изданной в 1864 г. в Лондоне книге «Сибирский путь из Пекина в Петербург через пустыни и степи Монголии, Татарии и т.д.» : «Сразу за Калганом дорога ведет через узкий горный проход между холмами. Местность поднимается на протяжении шести часов пути примерно на две тысячи футов; затем попадаешь на высокогорное плато, лежащее на уровне примерно пяти тысяч футов над уровнем моря. Китайцы продвинулись до самого края пустыни и с неутомимым прилежанием занимаются земледелием даже в самой неблагоприятной для этого местности. Здесь больше не приходится

рассчитывать на постоянные погодные условия; часто наступает засуха, песчаные бури, ураганы и проливные дожди наносят огромный ущерб агрикультуре. Это вызывает плохой рост сельскохозяйственных культур, неурожай, и, в результате, чаще всего, голод. Монголы следят за продвижением китайцев с большим неудовольствием».

Следовательно, противоречия между земледельческой культурой оседлых китайцев и скотоводческой культурой кочевых монголов никуда не делись. Лишь направление удара за прошедшие тысячелетия переменялось, вследствие чудовищно нарастающего давления со стороны Китая, с его постоянно – несмотря на регулярные обильные «кровопускания» в ходе гражданских войн и варварских вторжений! – растущим населением.

«Хотя солнце нещадно палило весь день, руки Мичи, когда он ставил вечером палатку, настолько застыли от холода, что он едва мог удержать в них молоток, которым забивал колышки для палатки... Это происходило 26 августа на 21 градусе северной широты... На зеленом, усеянном цветами, травяном ковре паслись огромные конские табуны и стада крупного рогатого скота, которым не давали разбредиться скачущие вокруг монгольские пастухи. Их крики разносились далеко, ясно слышимые в чистом воздухе. Мичи оказался посреди страны шатров (кибиток, юрт, палаток – В.А.), отрезанный от культурного мира. Монгольский храм надолго стал последним увиденным им зданием из камня и извести. Он находился в травяной стране».

Первым строением в этом травяном море стала Великая Китайская стена. Спутник А. Мичи, Д. Флетчер, продолжает: «Та часть Монголии, по которой теперь странствовал Мичи, образует череду низменностей, перемежающихся участками волнистой местности; то тут, то там земля становится неровной и холмистой, и, в общем, степь здесь создает впечатление моря. Нигде не увидишь ни дерева, ни какого-либо иного предмета; глазу не на чем отдохнуть, кроме как на стадах или шатрах. Восход и закат солнца способствуют усилению иллюзии нахождения в море, так что выражение "корабль пустыни", примененное к верблюду, представляется чрезвычайно удачным... Легкость, с которой монголы ориентировались в пустыне, часто вызывала у Мичи восхищение. После ночного перехода они на следующее утро всегда точно знали, где находятся. Им не требовалось никаких видимых ориентиров для того, чтобы находить немногочисленные, разбросанные на обширных пространствах колодцы. Их ведет безошибочный инстинкт кочевника».

Именно этому инстинкту великий китайский император Цинь Ши Хуан-ди, первый объединитель Китая (из «полуварварской», с «истинно-китайской» точки зрения, династии Цинь), согласно традиционным представлениям, положил в конце III в. п.Р.Х. предел. Повелев возвести Великую стену на границе Китая с Великой степью. Ранее границу «Поднебесной» (вмещавшей в себя, в китайском понимании, весь обитаемый мир – «мир людей») с иным, «потусторонним», миром «нелюди» охраняли лишь немногочисленные крепости, построенные для контроля над особенно угрожаемыми участками местности. Эти крепости (построенные к тому же, преимущественно, не из камня, а из желтой или лиловой глины – лёсса), «северным варварам», охочим до китайского добра, было нетрудно обойти. Возможно, именно возникшая по воле «Сына Неба» на пути кочевников, казалось бы, неодолимая преграда побудила теперь и гуннов сделать над собой невероятное усилие, не только увеличившее их ударную силу, но и сплотившее разрозненные прежде племена кочевников и скотоводов воедино.

В пользу данного предположения говорит следующее обстоятельство. Первый вождь, вне всякого сомнения, правивший гуннами, а не их предшественниками из народности хунну, сумевший централизовать и организовать управление своим народом по принципу «народной воли» (пришедшего на смену прежним разрозненным ватагам «степных удалцов»), правил почти одновременно со строительством китайцами Великой Стены. Скорее всего, успеху проводимой им политики централизации способствовало осознание в корне изменившейся обстановки на границе с Китаем. Причем не только им одним, но и всеми его соплеменни-

ками, несмотря на свойственную им любовь к свободе. Звали этого централизатора Тоумань, Томен или Тумен (в книге Л.Н. Гумилева «Хунну» он именуется: Тумань; в книге В.П. Никонорова и Ю.С. Худякова «"Свистящие стрелы" Маодуня и "Марсов меч Аттилы"» Тоумань и Тумань упомянуты как два разных правителя гуннов). Китайские хронисты присвоили ему почетный титул «шанью», или «шаньюй» (кит. пиньинь: shanyu, палл.: чаньюй), по-древнекитайски: «таньва» (от пратюркского «дархан» или «таркан»). Они оценивали данный титул (означающий, согласно Л.Н. Гумилеву, «величайший», а согласно книге Е.И. Кычанова «Кочевые государства от гуннов до маньчжуров» – «обладающий обликом обширного и великого» или «обладающий образом Неба», т. е. «небоподобный» или «божественный» правитель) как примерно равный титулу царя (ван). Впрочем, в отдельные периоды китайцы признавали гуннского шаньюя равным императору (Хуан-ди). Академик Л.Н. Гумилев считал шаньюев не «царями», а «пожизненными президентами» хунну. Ибо они избирались гуннской племенной аристократией и управляли не самодержавно, а совместно с советом 24 родов пяти хуннских племен – по крайней мере, со времен шаньюя Маодуня (о котором ниже будет рассказано подробнее).

Согласно списку гуннских царей, приведенному индийским историком Рахулом Санкритьяном в его «Истории Центральной Азии», Тоумань-Тумань (если это не разные люди) родился примерно в 250 г. до Р.Х. Уже в преклонном возрасте первый шаньюй взял себе молодую жену, которую очень любил. Стремясь обеспечить престол за сыном от этого позднего брака, он разработал хитроумный и коварный план. Старший сын Тоуманя, принц (царевич) Маодунь (Модэ, Моду, Мотун), был отправлен заложником к кочевому племени юэчжей – предков будущих кушан (тохаров), ираноязычных саков или «восточных сарматов» (впрочем, некоторые считают «восточных сарматов» не юэчжами, а отдельным иранским кочевым народом, юэчжей же – азиатскими гетами, или, возможно, массагетами, упоминаемыми многими античными историками и географами). Обмен царевичами в качестве заложников с соседними народами, кстати, соответствовал гуннским обычаям вплоть до времен Аттилы. Когда Маодунь прибыл в ставку правителя юэчжей, его отец Тоумань напал на «восточных сарматов», надеясь, что в ответ те будут вынуждены убить его первенца и наследника, взятого ими в заложники. Однако заложники нередко изменяли ход истории. В сфере взаимоотношений гуннов с Римской империей это продемонстрировал на собственном примере «последний римлянин» Флавий Аэций (Эций, Этий или Аэтий; о нем еще будет подробнее сказано далее). Да и Аттила в юности (когда гуннский царь Ульдин победоносно сражался под знаменами западно-римского императора Гонория с опустошавшими Италию германцами остгота Радагайса), согласно некоторым источникам, тоже побывал в заложниках у римлян в «Вечном городе» на Тибре.

Возможно, любознательный Аттила знал из гуннских племенных сказаний, как себя повел в аналогичной ситуации Мотун, отданный в заложники юэчжам? Осознав нависшую над ним смертельную угрозу, Маодунь, убив приставленного к нему стража, своевременно бежал от юэчжей на их лучшем скакуне, на котором и домчался до шатра своего вероломного отца. Последний разыграл трогательную встречу, обняв своего обреченного им на гибель нелюбимого сына, оказавшегося таким «резвцом и удалцом, красотой и узорочьем гуннскими».

Удаль Маодуня, доказавшего, на что он способен, так впечатлила гуннов, что Тоумань был вынужден поставить его во главе одного из уделов, дав сыну в управление десять тысяч семей. Моду приступил к обучению воинов – достаточно суровому и даже жестокому, если верить китайским источникам (а почему бы им не верить?).

Мотун ввел в обращение свистящие стрелы («свистунки») и, обучая своих конных лучников, отдал им приказ стрелять всем вместе в тот предмет, в который выпустит такую стрелу он сам. А кто не выполнит приказа, тому он «положит к ногам его голову». И если кто-либо на охоте стрелял не туда, куда летела свистящая стрела, ему немедленно срубали голову. Однажды Маодунь вогнал свою свистящую стрелу в тело своего любимого коня и приказал мгновенно

обезглавить тех своих спутников, которые не осмелились выстрелить в коня владыки вместе с ним. Вскоре после этого он насмерть поразил такой стрелой свою любимую жену. Но и на этот раз несколько его спутников впали в оцепенение, не осмелившись выстрелить в супругу господина. И снова Маодунь снес головы всем, не стрелявшим. В скором времени, Модэ, на очередной охоте, сразил свистящей стрелой любимого коня своего отца. Когда никто из спутников не рискнул отказаться последовать примеру Маодуня, он наконец-то убедился в том, что может всецело положиться на этих людей. Убежденный в полной верности и преданности собственной дружины, он поехал с Тоуманем на охоту. И выпустил свистящую стрелу в родного батюшку. А вся дружина Маодуня беспрекословно выстрелила в ту же цель, изрешетив шаньюя стрелами. После отца Мотун убил свою «вторую мать» (т. е. младшую жену убитого им отца и царя). Затем он убил своего единокровного брата и всех министров, отказавших ему в повиновении. И сам сделался шаньюем.

Считается, что Маодунь-Модэ-Моду-Модун-Мотун стал правителем гуннов в 209 г. до Р.Х. На первый взгляд невольно создается впечатление, что все это – образчик китайской «литературы ужасов». Хотя все описанное произошло на самом деле. Не вполне ясны лишь некоторые подробности этой кровавой истории. Так, скажем, существуют разные точки зрения на то, что представляла собой свистящая стрела, как она была устроена и т.д. Например: «"Свистунками" назывались стрелы с железными или бронзовыми наконечниками, на древко которых надевались полые костяные шарики с тремя отверстиями. В полете такие стрелы вражались и издавали пронзительный воющий свист. Этот свист пугал лошадей вражеских воинов и угнетающе воздействовал на моральное состояние самих противников. Костяные свистунки служили и муфтами, предотвращающими раскалывание древка стрелы, в которое забивался железный черешок наконечника. В распоряжении хуннских воинов-стрелков был большой набор стрел с наконечниками разных форм. Наибольшей эффективностью, дальностью, точностью попадания и проникающей способностью обладали стрелы с железными трехлопастными наконечниками. В отличие от металлических, бронзовых и железных наконечников стрел, имевшихся на вооружении у древних кочевников – В.А.), у хунну появились крупные ярусные стрелы с выступающим вытянутым остроугольным бойком и широкими лопастями с округлыми отверстиями. Именно такие наконечники в первую очередь снабжались костяными свистунками. До хуннского времени они не были известны, поэтому могут считаться изобретением хуннских мастеров-оружейников» (Никоноров/Худяков).

Вероятно, пара перышек и свистульки на конце стрелы было вполне достаточно для привлечения внимания воинов к направлению ее полета, чтобы и они сразу поняли, куда им целиться и пускать свои стрелы вслед за застрельщиком.

Обучение гуннских воинов набирало обороты. Их учили быстро и метко стрелять с коня, что впоследствии дало гуннам превосходство не только над китайскими войсками, но и над конными латниками юэчжей и аланов. Да и над готскими войсками, не говоря уже о почти полностью деградировавших в военном (да и не только военном!)

отношении римлянах. Но одновременно гуннов учили, не колеблясь и не ведая пощады, убивать. Что и в последующие столетия прочно прилепило к ним ярлык безжалостных головорезов. О творимых гуннами массовых зверствах и убийствах писало так много античных авторов, что нет никаких оснований сомневаться в достоверности их сообщений.

Как уже понял уважаемый читатель, имя шаньюя Модэ в разных источниках транскрибировали и писали по-разному. В зависимости от национальности переводчика с китайского. Так, индийский историк Санкритьян называет его «Маудун». Китайцы-современники, вероятно (хотя и воспринимали на слух его произносимое гуннами имя, звучавшее по-гуннски, скорее всего, как «Бордур» или даже «Багадур»!), транскрибировали его по-своему, не имея графем для воспроизведения звуков гуннского языка. Уильям Монтгомери Мак Говерн, приводящий в своей толстой книге под названием «Ранние империи Центральной Азии» самые

оригинальные варианты написания, даже превращает Модэ в своеобразного «Мао Древнего Мира», именуя его «Маодун» (почти «Мао Цзэ-Дун!»).

Дело происходило во II в. до Р.Х. Рим уже стал великой державой, но все еще не достиг «мирового» господства. Птолемеевский эллинистический Египет, наследник греко-азиатской «мировой» (хоть и недолговечной) державы ставшего на краткий срок «царем Азии» Александра Македонского, служил мостом, или воротами, между Востоком и Западом. В египетских портах на Эритрейском (Красном) море и в Александрии жили торговцы и корабельщики, которым были ведомы обе части света (а заодно и третья – Ливия, т. е. Северная Африка), как «Наше» (Внутреннее, нынешнее Средиземное), так и Индийское море (нынешний Индийский океан). А в самом сердце Азии, в «Срединном государстве», так долго верившем, что его границы совпадают с границами мира вообще, что оно – и есть мир (совсем как Рим в последующие столетия!), начало пробуждаться сознание, понимание того, что, может быть, не все народы Севера и Запада – сплошь «варвары, не знающие церемоний»...

Образ действий Маодуня-Моду-Модэ-Маудуна-Модуна-Мотуна-Маодуна-Бордура-Багадура, окружившего себя поначалу верными конными лучниками, обучив их насмерть разить своими стрелами, не раздумывая, всех, на кого он им укажет, ликвидировавшего затем с их помощью не только своего царственного отца, но и все его (и свое собственное) семейство, дабы властвовать единолично, без соперников и конкурентов, кажется нам, вне всякого сомнения, страшно варварским, дикарским. Однако, эта дикость была вовсе не бесцельной, но вполне целенаправленной. И в этой целенаправленности заключался залог грядущего величия.

«Гуннские набеги, как правило, не были хаотичными, а четко планировались на основе получения разведывательной информации» (В.П. Никоноров, Ю.С. Худяков).

Маодунь заключил мирный договор с согдами (оседлыми восточными иранцами – В.А.). Восточные кочевники дунху (по Гумилеву – древние монголы, являвшиеся, если верить Никонорову/Худякову, традиционными и главными противниками гуннов) потребовали от него, в качестве дани, лучших гуннских коней. Некоторые гунны сочли это поводом к войне. Но Модэ отдал дунху коней, казнив не согласных с его решением подданных. Затем дунху потребовали отдать им красивейших гуннских женщин, включая жену самого шаньюя. Моду отдал им и женщин, сочтя, что существование гуннской державы, еще не готовой к большой войне с внешним противником, важнее женщин. Он даже обезглавил всех, кто отказался отдать своих жен. Когда же дунху потребовали приграничные гуннские земли, Модэ заявил, что земля – основание державы, и уступать ее нельзя никому. Он собрал войско и, казнив всех несогласных, совершил победоносный поход на дунху. Разбив и подчинив дунху, Бордур начал войну с юэчжами. Вышколенные грозным шаньюем гуннские конные лучники разгромили панцирную конницу юэчжей. Действуя, вероятно, тем же, описанным выше, способом, каким гунны впоследствии разбили конных латников аланов – «измотав их до предела».

Нанеся поражение юэчжам, Маодун решил, что настала пора возратить гуннам земли, завоеванные ранее китайской империей Цинь. Покорив племена «лоуфань» и «байян» в Ордосе, энергичный шаньюй совершил набег на китайские земли в областях Янь и Дай, отправившись оттуда к городам Чаона и Луши, а затем – снова в Янь и Дай. 300-тысячное войско Маодуня фактически не встретило сопротивления. Ибо в Китае в то время шла междоусобная война, в результате которой, в конце концов, пришла к власти династия Хань. Гуннская держава Модэ долго воевала с китайцами – с переменным успехом – но, в конце концов, добились от Китайской империи признания себя государством, равным во всем «Срединному». Отныне государи обеих держав именовали друг друга «братьями». Как писал академик Л.Н. Гумилев в своей книге «Хунну»: «Это был беспрецедентный успех для хуннов: до сих пор ни один кочевой князь не мечтал равняться с китайским императором».

В своем изданном в 1964 г. в Калькутте труде упомянутый выше индийский историк Рахул Санкритьян с полным на то основанием писал, что «Маодун, как завоеватель, может

быть фактически поставлен вровень с Киром, Дарием и Александром (Македонским – В.А.)». В послании китайскому императору Вэнь-ди (у Никонорова/Худякова: Хяо Вынь-ди) из династии Хань (датируемом периодом между 169 и 156 г. до Р.Х.), Маодунь сам пишет о себе, что объединил все племена татар (тата, дада, да-дань) и создал великую державу скотоводов, что «двадцать шесть обширных стран, окружающих нас (гуннов – В.А.), подчинены моей верховной власти и обязаны платить нам дань. Если не хочешь, чтобы мои люди прорвались через твою Великую стену, запрети своим китайцам со своей стороны подходить слишком близко к стене».

Вот так так! Получается, что гунны суть татары? «Темна вода во облацех», как говорили наши предки...

3. О сватовстве Модэ к императрице

Всю имеющуюся на сей день информацию о великом гуннском воителе Маодуне, этом удивительном правителе царства кибиток, стад и табунов, современникам и потомкам сообщили исключительно его противники-китайцы. Тем не менее, представляется очевидным, что Рахул Санкритьяян имел все основания ставить Модэ в один ряд с создателями «мировых» империй Киром, Дарием и Александром Македонским. Кир (Куруш) II (названный Санкритьяяном первым в этом ряду) основал «мировую» персидскую державу Ахеменидов. Дарий (Дарявауш) I, сын Виштаспы (Гистаспа), восстановивший ее после периода смут, стал олицетворением, если не сказать, архетипом «царя царей» (т.е. императора) фактически всего Древнего Востока. Александр, царь Македонии, Египта и «всей Азии», конечно же, пленяет всякого, кто интересуется его личностью, гениальной решимостью, буйной фантазией и неудержимым полетом идей, опережающих его время (и потому недоступных пониманию даже его ближайшего окружения). Однако следует заметить: «варвар» Маодун превосходил великого эллинского завоевателя твердостью, осторожностью и обстоятельностью. Возможно, потому, что был, в отличие от македонского «царя Азии», не пришельцем из Европы, а подлинным порождением этой чудовищно-громадной части света, которую так многие стремились покорить и до, и после Александра.

Создатель величайшей в мировой истории азиатской державы происходил из того же региона, и начал свою работу над созданием империи там же, где родился и начал создавать – задолго до него! – гуннскую империю Модэ. Речь идет не о «Потрясателях Вселенной» Чингис-хане (как, возможно, подумал уважаемый читатель), а о внуке Чингис-хана – хане всех монголов Хубилае. В XIII в. п. Р.Х., через 1500 лет после Маодуня, этот внук монгольского «священного воителя» повелевал народами и племенами, жившими на территории от Волги до Китайского моря, от Сибири до индонезийского острова Суматра. Венецианский путешественник, купец (и, вероятнее всего, разведчик папы римского и Ордена бедных соратников Христа и Храма Соломонова, сиречь храмовников, или же тамплиеров), известный ныне всему миру Марко Поло, много лет верой-правдой служивший Великому хану (хакану, кагану, каану) при его дворе во многолюдном Ханбалыке (нынешнем Пекине), получил наглядное доказательство того, как далеко простиралась власть каана Хубилая (едва не завоевавшего даже далекую Японию). Ибо смог, под защитой врученной ему охранной золотой пайцзы «Владыки всей Вселенной», беспрепятственно проследовать через всю Азию домой в Европу.

Разумеется, шаньюй Маудун не выдерживает никакого сравнения с мудрым, просвещенным, глубоко религиозным и интересующимся философией кааном Хубилаем. Последний, вероятно, был, фактически, уже и не монголом, как, скажем, ранние хунну (если только они вообще были монголами), а метисом, с примесью крови какого-либо тюркского племени в жилах. Последнее не представляется особо удивительным, с учетом многоженства, практикуемым владыками кочевников. Зная из заслуживающих доверия источников, что во всех покоренных областях для гаремов князей и владык искали красивых девушек, что, под угрозой суровейших кар, все полонянки представлялись, в первую очередь, на рассмотрение владыки, понимаешь: забота о «чистоте крови» не играла сколько-нибудь существенной роли в мировоззрении правящих родов Центральной Азии. Не раз китайские принцессы, взятые в жены дикими тюркскими кочевниками, способствовали смягчению нравов своих «не знающих церемоний» варваров-мужей и рожали им сыновей, склонных к отвлеченным размышлениям. Попавшая в степной гарем красавица иранских или кавказских кровей вполне могла родить владельцу неисчислимых стад и табунов сына, ощущавшего в своих жилах наследие древней культуры и потому предъявлявшего к себе, к своей жизни, новые, неожиданные для кочевника требования.

Поэтому Модэ-Бордур может быть оценен потомством лишь на основании совершенных им деяний, целого каталога зверств, насилий и побед, как и некоторые его преемники, сменившие Мотуна повелители гуннских «степных кентавров». Той же бесцеремонности (ведь «варвары не знают церемоний!»), беспощадности, грубости и бестактности. Тех же хитрости и лукавства. Той же непомерной кочевнической гордыни, для которой каменная стена – будь она даже Великой Китайской! – была таким же вечным вызовом, как красная тряпка – для разъяренного быка. Наиболее наглядной параллелью между Маодунем и Атиллой, подчеркивающей прямо-таки поразительное сходство судеб Маудуна и его великого потомка, представляется следующее. Настойчивые попытки обоих установить прочную и долговременную связь между основанной на зыбкой почве кочевой державы гуннской деспотией и устоявшейся императорской властью древних оседлых держав, опирающихся на традиции монархии, прошедшие проверку временем. Атила гневался, грозил и, наконец, привел в движение десятки, сотни тысяч воинов, обрушив их на «мировую» Римскую империю, чтобы заполучить в жены Грату Юсту Гонорию, сестру западно-римского императора Валентиниана III. Аналогичным образом и Маодунь, задолго до Атилы, развязал кровопролитную, связанную с огромными потерями не только для противников гуннов, но и для самих гуннов, и, в конечном итоге, бессмысленную и безрезультатную войну с «мировой» Китайской империей из-за того, что императрица-регентша Хоу из рода Лю отказалась стать супругой гуннского шаньюя.

Правящие династии обеих держав переживали, в этой ранней фазе своего правления (дело происходило в 192 г.), подъем, или, по Гумилеву, «взлет пассионарности». Пассионариями, «людьми длинной воли» были как тогдашние гуннские владыки царства хунну, так и китайские императоры из прославленной, основанной отважным начальником конницы, династии Хань, по которой китайцы были названы «ханьцами», и которой предстояло 400 лет править Китаем. Императрица-регентша Люй-Хоу (Люй Чжи, Люй Тай-хоу, Гао-хэу), вдова императора Гао-ди, или Гао-цзу (известная также как «вдовствующая императрица Гао»), была, очевидно, слеплена из того же теста, что и Маодунь. Хотя она, как просвещенная, культурная, цивилизованная китаянка, разумеется, действовала не открыто, грубо и по-варварски, а изощренно-утонченно, с помощью хитроумных уловок. Люй-Хоу овдовела, когда ее сыну-престолонаследнику Лю Ину (впоследствии – императору Хуэй-ди) едва исполнилось 17 лет. И потому мать стала править за него и от его имени (а впоследствии – и от имени его сыновей, своих внуков). Как писал де Гроот: «Право на это ей давал классический, и, следовательно, священный принцип, согласно которому владение ребенком является имуществом его отца или его овдовевшей матери и что империя, и даже вся земля, является личным имуществом Сына Неба». Императрица Люй-хоу вписала свое имя в историю «Поднебесной» кровавыми иероглифами. Ибо проявила крайнюю жестокость к другим женам покойного императора Гао-цзу и их детям. При этом регентша-кровопийца старалась максимально усилить влияние в правительстве «Срединного государства» своего рода Люй в ущерб императорскому роду Лю. Регентша исподволь устраняла неугодных, используя яд и кинжал, и подсылала убийц к сводным братьям своего сына-императора Хуэй-ди. Люй-Хоу жестоко надругалась над Ци, другой бывшей женой (а точнее – наложницей, или побочной женой) покойного императора Гао-цзу. Наложнице отсекли ноги, руки, вырвали глаза, прижгли уши, дали вызывающее немоту средство и бросили ее гнить заживо в яму, полную нечистот. Изрубив предварительно в лапшу сыновей несчастной, Люй-Хоу заставила собственного сына-императора Хуэйди наблюдать за кровавой расправой. Император заболел от потрясения и, обвинив родную мать в неслыханной бесчеловечности, отказался впредь освящать своим именем творимые регентшей зверства. Он предался пьянству... и скоропостижно скончался, пережив отца всего-то на семь лет. Смерть сына поставила власть регентши-матери под угрозу. Но у энергичной императрицы нашлись опытные советники, да и сама она отличалась умом и сообразительностью, совсем как птица-говорун у Кира Булычева. Ведь оставались в живых другие жены умершего императора. Разыс-

кав самого юного из принцев, рожденных одной из них от Гао-цзу, Люй-Хоу посадила десятилетнего сына побочной жены своего переселившегося в мир иной царственного супруга на престол. Тем самым, она обеспечила себе господство над Китаем. На что имела право, по де Грооту, «ибо классический принцип гласит, что ребенок побочной жены со всем, чем он владеет, является собственностью главной жены».

Обеспечив, таким способом, сохранение своей власти над «Срединным государством», кровожадная Люй-Хоу могла спокойно дожидаться, пока подрастет ее собственный внук, сын слабонервного и слишком впечатлительного Хуэй-ди. Чтобы, в назначенный срок, возвести на престол и его. Разумеется, для этого необходимо было удалить с престола «Сына Неба» (а точнее – сына наложницы), который был временно на этот трон посажен. Люй Хоу убила его собственными руками (повторив затем тот же «фокус» и с другим посаженным на престол «Сыном Неба» столь же сомнительного происхождения). Как видно, нравы, процветавшие при императорском дворе Китая, не слишком-то, по сути, отличались от нравов в «кибиточной ставке» шаньюев «диких» хунну. Впрочем, и полтысячелетия спустя нравы при дворах правителей Ветхого и Нового Рима мало чем отличались от нравов, царивших в ставке Аттилы. Читатель еще сможет в этом убедиться. И вот с этим-то высокородным чудищем, с этим демоном в женском обличье, шаньюй Модэ возмечтал разделить свое ложе! «По его понятиям, это означало, что Китайская империя должна пойти в приданое за супругой, и он надеялся таким образом приобрести весь Китай» (Гумилев).

Исключительно мирным путем, не пролив ни капли гуннской или китайской крови! Возможно, простодушный (несмотря на все свое природное лукавство) степной варвар просто не подозревал о том, что его матримониальный план мог оказаться для него куда опаснее, чем самый рискованный из совершенных им походов. Письмо шаньюя императрице Люй Хоу исполнено иронии и мужской самоуверенности – как сказали бы сегодня, маскулинности:

«Я, одинокий государь, не созданный для одинокой жизни, рожденный посреди рек и болот, выросший на обширных равнинах среди волов и лошадей, нередко пребывал в приграничных землях, желая как-нибудь совершить путешествие в Срединное государство. Твоему Величеству, вдовице, там так одиноко на престоле. Но и я, осиротелый, не могу стоять на собственных ногах и тоже живу в полном одиночестве. Ты в твоём старом дворце, и я здесь, мы, оба государя, влачим, следовательно, безрадостное существование, не имея ни в чем утешения для себя. Желая то, что ты имеешь, променять на то, чего тебе не хватает». Существуют и другие варианты перевода этого письма. Например: «Сирый и дряхлый государь, рожденный посреди болот, выросший в степи между лошадьми и волами, несколько раз приходил к вашим пределам, желая прогуляться по Срединному государству. Государыня одинока на престоле. Сирый и дряхлый тоже живет в одиночестве. Оба государя живут в скуке, не имея ни в чем утешения для себя. Желая то, что имею, променять на то, чего не имею». Согласитесь, смысл в этом варианте перевода не совсем такой, как в приведенном выше. Кстати говоря, «дряхлому» (в этом варианте) Маодуню, на момент написания письма жестокосердной Люй-Хоу, не было еще и 40.

Понять, насколько дерзким, наглым, неприличным были, с китайской точки зрения, тон и содержание послания Мотуна, можно, разумеется, лишь сравнив их с цветистыми подобострастными формулами, к которым китайские императоры и императрицы были приучены с детства. Да и принятый в азиатских державах витиеватый дипломатический стиль, достигший особой утонченности в древних Китае и Индии, естественно, резко отличался от откровенных высказываний, вроде содержащихся в письме шаньюя Маодуня. Поэтому китайские анналы сообщают, что императрица-мать Люй-Хоу так разгневалась, что вознамерилась сначала объявить всеобщую мобилизацию и двинуть свои армии против Модэ и его гуннских варваров. Она призвала своего любовника и главного советника Шань Ицзи, носившего титул Пиян-Хоу, и других преданных приближенных, чтобы решить, не следует ли им, не мешкая, четвертовать

(вариант: обезглавить) гуннского посланника, доставившего ей столь дерзкое письмо. А затем – призвать все мужское население к оружию и напасть на гуннов-хунну.

Военачальник Фань Куай высказался первым, заявив, что надеется со 100-тысячной армией пройти центральную область хунну, уничтожив их. Тогда императрица поинтересовалась мнением Цзи (Ги) Бу. Тот заявил, что Фань Куай надо отрубить голову за то, что он не спас императора: «Фань Куай заслужил отсечения головы! Когда он недавно с 320-тысячным войском подавлял восстание в уделе Дай, хунны воспользовались создавшимся положением и окружили нашего императора Гао в его столице городе Пьхин-чен (вариант: Пинчэн, Пьхин-чин). Хотя Фань Куай обладал превосходством в силах, он оказался не в состоянии прорвать кольцо окружения и освободить императора. По всему миру об этом пели следующую песню:

«Под городом Пьхин-чен подлинно было горько;
Семь дней не имели пищи, не могли натягивать лука»

(О сложности перевода и толкования древних китайских текстов говорит, между прочим, и наличие другого варианта перевода той же самой песни:

«Под Пьхин-ченом царит большая нужда,
Семь дней уже без хлеба,
А Фан Куай уходит оттуда,
Даже не натянув лука»

Согласитесь, смысл несколько иной! – В.А.)

Звуки этой песни еще не отзвучали, раненые еще не излечились, и не встали с одра болезни, а Фан Куай, тем не менее, снова хочет привести державу в беспокойство и движение своим бессмысленным утверждением, что пройдет всего лишь с сотней тысяч воинов через всю хуннскую державу. Это, Государыня, чистый воды обман и ложь, произнесенная перед лицом твоим. На этих варваров ху следует смотреть как на диких животных, то есть, так же мало радоваться сказанным ими вежливым словам, как и обижаться на их злобные и грубые речи».

Эти слова пришлись по душе императрице. Она воскликнула: «Прекрасно!» и, склонив свой слух к речам Ги Бу, повелела Верховному Гостеприимцу (начальнику «посольского приказа») Чжан Цзэ написать (в тонких дипломатических выражениях) ответ, подчеркнув в нем, что она уже стара для брака с Маодунем. Вот содержание ее ответа на письмо Бордура:

«Шаньюй не забыл мое обветшалое обиталище (так нарочито уничижительно она писала не о своей резиденции, а о себе – В.А.), но удостоил его письма. И теперь мое обветшалое обиталище охвачено страхом и ужасом! В эти дни моей жизни, когда меня оставляют последние силы, меня занимают разные мысли; я достигла уже преклонного возраста и страдаю одышкой. Мои зубы и волосы выпадают, в ходу теряю размер в шагах (т. е., походка стала неровной, заплетающейся – В.А.). Если шаньюй вследствие этого поймет меня как-то неправильно, ему не стоит из-за этого огорчаться, и не мое пришедшее в упадок обиталище тому виной; пусть же оно удостоится его прощения. Я, дряхлая вдовица, недостойна тебя, но владею двумя императорскими колесницами, запряженными двумя четверками лошадей, и, если ты и вправду не можешь стоять на собственных ногах, то я осмелюсь предложить тебе эти две колесницы, чтобы ты всегда мог ездить на них».

Автор книги признается, что привел текст переписки Маодуня и Люй-Хоу, переведя его на русский с немецкого перевода де Гроота, этого выдающегося синолога, приведшего, в отличие от многих других синологов, как письмо Модэ, так и ответ императрицы полностью, не пропустив при переводе ни одного иероглифа китайских источников. Этот исторический анекдот описан не менее чем в трех сборниках китайских документов, в том числе в «Ши Цзи» («Исто-

рических записках») Сыма Цяня. Фигурирует он и в жизнеописании вельможи Ци Пу. Так что сомневаться в реальном, а не легендарном характере самого факта данной короткой «личной» переписки не приходится. Лишь текст писем, возможно, был впоследствии «дополнен» и немного «приукрашен».

Маодунь, лукавый и коварный по натуре, поначалу проглотил внешне столь вежливый, но недвусмысленный и издевательский отказ императрицы «вечного» Китая разделить с ним ложе. Он даже извинился в очередном коротком письме за то, что до сих пор не сумел научиться правилам китайской учтивости. Модэ попросил у Люй-Хоу, фактически объявившей во всеуслышание весь гуннский народ стадом неразумных диких животных (вспомним столь же нелестную оценку гуннов гото-аланом Иорданом), на которых и обижаться-то не стоит, прощения и прислал ей в дар хуннских лошадей. Видимо, тонко намекнув тем самым, что и дряхлой вдовице, с ее заплетающейся походкой, лучше ездить на них, чем ходить. Мир был, казалось, восстановлен.

Заметим в скобках, что во всей этой истории обращает на себя следующее обстоятельство. В отличие от «просвещенных», «культурных», «цивилизованных» китайцев (и римлян), смотревших на гуннов как на «диких зверей», «неразумных животных», на которых человеку разумному даже обижаться не стоит, сами гуннские кочевники, при всем своем презрении к китайцам (равно как и римлянам, да и представителям других оседлых, земледельческих, цивилизаций), явно не сомневались в том, что те – не «звери», не «животные», а такие же люди, как и сами гунны. Что, впрочем, не мешало им, вольным кочевникам, глубоко презирать оседлых земледельцев, как рабов. Причем рабов вдвойне. Во-первых, потому что те, в условиях жестко централизованной имперской государственности, фактически прикрепленные к земле, не могли свободно сняться с места и переселиться куда-либо еще, по собственному желанию (да и прочные дома – не юрты, не кибитки, попробуй поставить их на колеса и перевезти в другое место, не говоря уже о каменных стенах, башнях и многоэтажных зданиях огромных городов, вроде Чанъяна, Лояна, Рима, Антиохии, Александрии или Константинополя!). И, во-вторых, потому что китайцы (как и римляне) платили своим властителям налоги и подати. Гуннские же вольные кочевники, хотя им и грозила казнь за неповиновение шаньюю на войне, нарушение военной дисциплины и уклонение от воинской службы (в случае объявления войны), никаких налогов и податей не платили. Наоборот, они имели право на свою законную часть военной добычи, а в мирное время управлялись не шаньюем, а своими родовыми старейшинами, по старым племенным законам. Они воспринимали себя, как свободных и самостоятельных людей, не ограниченных в передвижении и сражавшихся, как то и пристало свободным людям. В то время как оседлые китайцы сражались, на их взгляд, «словно толпа рабов». Аналогично относились варвары и к воинам, государственному строю и всему явно претившему им, «упорядоченному» жизненному укладу другой «просвещенной мировой» империи – Римской (как в ее западном, так и восточном «варианте»).

На сегодняшний день оседлая, городская цивилизация действительно стала мировой – не случайно нынешний глобализирующийся все стремительней единый мир (One World) именуют Мировой Деревней (а не Мировым Кочевьем!) –, в самом деле, а не в воображении глобально-имперских идеологов (как во времена древних Китая и Рима)! – оттеснила остатки кочевников-«варваров» на задворки обитаемого мира. И всем нам стала очевидной уязвимость этой формы цивилизации. Представьте себе на мгновение, что произойдет, если в современном многомиллионном мегаполисе на сутки вдруг отключат газ, воду, электричество или хотя бы Интернет!... Возможно, «дикие кочевники» былых времен были в чем-то правы? Но, как говорится, история не знает сослагательного наклонения... Вернемся к нашим «диким» хунну и «цивилизованным» китайцам.

Уверенная, что мир с варварами восстановлен, Люй-Хоу, тем не менее, с целью закрепления достигнутого, как казалось ей, успеха, даже отправила в жены Модэ, для наполнения

реальным содержанием ханьско-хуннского договора «о мире и родстве», одну из своих внучек. Однако же, не «настоящую» законную принцессу, а дитя любви своего сына с наложницей. Срочно возведенную, перед самым ее отъездом на «задворки мира», к человекообразным нелюдям-хуннам, в сан принцессы. Исключительно с целью придания «подарку» большей ценности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.